

A woman with dark hair styled in an updo, wearing a large, ornate crown with blue and white gemstones and a pearl necklace. She is looking slightly to the right. The background is a repeating pattern of golden fan-like shapes on a white background.

18+

ПИТЕР
АКРОЙД
ИСТОРИЯ АНГЛИИ

НОВАЯ ЭПОХА

От конца Викторианской эпохи
до начала третьего тысячелетия

История Англии

Питер Акройд

**Новая эпоха. От конца
Викторианской эпохи до
начала третьего тысячелетия**

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

Акройд П.

Новая эпоха. От конца Викторианской эпохи до начала третьего тысячелетия / П. Акройд — «Азбука-Аттикус», 2021 — (История Англии)

ISBN 978-5-389-22149-9

История Англии – это непрерывное движение и череда постоянных изменений. Но всю историю Англии начиная с первобытности пронизывает преемственность, так что главное в ней – не изменения, а постоянство. До сих пор в Англии чувствуется неразрывная связь с прошлым, с традициями и обычаями. До сих пор эта страна сопротивляется изменениям в любом аспекте жизни. Питер Акройд показывает истоки вековой неизменности Англии, ее консерватизма и приверженности прошлому. В этом томе события истории Англии берут отсчет с 1902 года, когда завершилась Англо-бурская война, в ходе которой те, кто раньше испытывал гордость за империю, постепенно охватывали разочарование и стыд. Эдуард VII, хоть и не дотягивал по политическому весу до своей матери, королевы Виктории, был самым любимым в народе английским королем после Карла II. При его сыне Георге V страна участвовала в Первой мировой войне и еще сохраняла некоторые черты викторианского времени, но к концу правления следующего монарха она изменилась до неузнаваемости. Георг VI вступил на престол после отречения Эдуарда VIII, своего старшего брата, и стал одним из символов борьбы против Германии и нацизма во время Второй мировой войны. Он был последним императором Индии и последним королем Ирландии: Британская империя распалась и произошло ее преобразование в Содружество наций. После смерти монарха и коронации его дочери началась новая Елизаветинская эпоха. К рубежу тысячелетий, до которого доходит повествование, за время правления Елизаветы II сменилось десять премьер-министров, самыми известными из которых стали Уинстон Черчилль, Гарольд Вильсон, Маргарет Тэтчер и Тони Блэр. Завершается великолепная серия книг знаменитого

британского автора, но история Англии продолжает ход. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-389-22149-9

© Акرويد П., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

1	7
2	12
3	16
4	19
5	23
6	25
7	29
8	35
9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Питер Акройд

От конца Викторианской эпохи до начала третьего тысячелетия

Новую эпоху в ее сущности можно сравнить с водителем автомобиля, который не знает, куда именно ему надо, но намеревается прибыть туда в рекордно короткий срок.

Peter Ackroyd
THE HISTORY OF ENGLAND
Volume VI. Innovation

Впервые опубликовано в 2021 году издательством Picador, импринтом Pan Macmillan

© Peter Ackroyd, 2021
© Ионова В.А., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022
КоЛибри®

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

Основание
ОТ САМЫХ НАЧАЛ ДО ЭПОХИ ТЮДОРОВ

Тюдоры
ОТ ГЕНРИХА VIII ДО ЕЛИЗАВЕТЫ I

Мятежный век
ОТ ЯКОВА I ДО СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революция
ОТ БИТВЫ НА РЕКЕ БОЙН ДО ВАТЕРЛОО

Расцвет империи
ОТ БИТВЫ ПРИ ВАТЕРЛОО ДО БРИЛЛИАНТОВОГО ЮБИЛЕЯ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ

Новая эпоха
ОТ КОНЦА ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ ДО НАЧАЛА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

1

Где никогда не всходит солнце

Вторая Англо-бурская война шокировала не столько затяжными и кровавыми боями с партизанами, сколько плачевным состоянием британских войск¹. Призывников плохо кормили, они болели и демонстрировали низкий боевой дух. По результатам расследования, проведенного по окончании войны в 1902 году, примерно 16 000 солдат срочной службы умерло от болезней, чему виной был скудный рацион и слабое здоровье рекрутов. Многих молодых людей загнала в армию крайняя нищета, при этом около 60 % новобранцев отсеивались как негодные к строевой службе. Вскрытие данных фактов повлекло за собой дальнейшее изучение «физического упадка определенных слоев населения», однако заняться этим следовало минимум на пятьдесят лет раньше.

Анализ собственно военных операций вызывал не меньшее беспокойство. Для покорения буров, численность которых равнялась населению Брайтона², потребовалось почти полмиллиона британских солдат и 250 миллионов фунтов стерлингов. Публикация этих материалов умерила пыл английских джингоистов³ и побудила правительство создать Комитет обороны империи (Committee of Imperial Defence), координирующий вооруженные силы. Когда триумфально началась война, в 1900 году волна империалистического энтузиазма принесла победу коалиции консерваторов и либеральных юнионистов⁴ на так называемых выборах хаки⁵. Коалиция, где доминировали тори, обеспечила себе солидное превосходство над либералами, нарушив тем самым закон «качающегося маятника», на котором зиждется британская политика.

По ходу войны тех, кто раньше испытывал гордость за империю, постепенно охватывало разочарование и стыд. А трудовое население и вовсе открыто восхищалось восставшими бурами. «Что толку прославлять империю, где никогда не заходит солнце, – высказался один лондонец, – если оно никогда не всходит над нашей крышей?» К концу десятилетия избитые патриотические лозунги на тему «великой империи» вызывали лишь смех.

Свидетельствовали ли изъяны британской армии о некоем национальном вырождении вообще? В XIX веке многие искренне полагали, что английская предприимчивость и принципиальность помогли привнести порядок в отдаленные земли Британской империи, населенные столь разнообразными народами; к концу столетия в эти хвастливые заявления не верил уже никто. После Бурской войны политики то и дело пускались в рассуждения о «консолидации» и «интеграции» колоний, доминионов и «сфер экономического влияния». Считалось, что для сохранения Англией статуса великой державы крайне важно укрепить политические и экономические связи внутри империи, особенно на фоне процветающих Германии, Японии и Соединенных Штатов Америки.

Некоторые политики возражали: с учетом ограниченных возможностей британских вооруженных сил и усиливающихся националистических настроений на подконтрольных Бри-

¹ Это история Англии, а не Британии. Тем не менее в книге неоднократно упоминаются такие британские институты, как армия, флот, правительство, монархия и империя, поскольку они неразрывно связаны с английской историей. По той же причине здесь рассказывается о некоторых событиях, произошедших в других частях Соединенного Королевства. – *Прим. автора.*

² Население Брайтона, небольшого курортного городка на побережье, в начале XX в. – около 120 тысяч человек. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

³ Джингоизм – английская версия агрессивного национализма и шовинизма.

⁴ Либеральная юнионистская партия выросла из фракции, отколовшейся от партии либералов в 1886 г. Разрыв произошел из-за вопроса об ирландском самоуправлении.

⁵ Любые общенациональные выборы, на исход которых сильно влияют военные настроения.

тании территориях единственный способ сохранить единство – создать систему «самоуправляемых доминионов». Уже в конце XIX века индийская интеллектуальная элита разработала политическую теорию, основанную на принципе «представительных национальных органов». В Ирландии несколько десятилетий главенствовала и пользовалась неизменной поддержкой идея самоуправления, или «домашнего управления»⁶, а антианглийские настроения проявлялись все сильнее.

Такого рода антиимперская критика звучала и в самой Англии. Когда британские отряды сожгли тысячи бурских домов и ферм и построили 8000 «концентрационных лагерей» для выселенных буров – это вызвало гнев, а когда в тех лагерях умерло порядка 20 000 женщин и детей, ярость, разумеется, лишь усилилась. Затем до Англии дошли новости, что правительство наняло около 50 000 китайцев для работы в шахтах Южной Африки – за мизерную зарплату и в нечеловеческих условиях. Либералы на скамьях оппозиции заговорили о «китайском рабстве». До сих пор имперская экспансия оправдывалась идеей, что Британия несет цивилизацию «отсталым» народам. Так, вице-король Индии в конце XIX века похвалялся введением в стране «справедливого правления», а также «мира, порядка и доброго правительства». Однако после Бурской войны многие усмотрели в британской «цивилизационной миссии» лишь прикрытие для эксплуатации.

К тому же после 1900 года англичанам пришлось столкнуться с понижением их международного экономического статуса. В Викторианскую эпоху английские производители лидировали в мировой торговле. Сочетание новаторских технологий и дешевой рабочей силы позволяло организовать недорогое производство непосредственно в Англии; само существование и непрерывное расширение имперских рынков сбыта, а также господство на море гарантировали большие объемы продаж по всему миру. Кроме того, для реализации сложных инженерных проектов британские колонии нанимали английские фирмы, а деньги занимали в лондонском Сити. В 1870-х годах Соединенное Королевство обеспечивало примерно треть мирового промышленного производства, но к 1900-м его доля упала до 10 %.

Англия не могла более претендовать на звание «всемирной мастерской» – теперь этот титул оспаривали Германия и Соединенные Штаты, серьезно продвинувшиеся вперед после объединения Юга и Севера во второй половине XIX века и в течение недавних войн освоившие современные методы производства. К 1900 году США обошли Англию по выработке угля и железа, а в Германии в высшей степени успешно развивались горные технологии, электротехника и химическая промышленность. Проблема Англии отчасти заключалась в том, что она прошла этап индустриализации задолго до своих соперников, и теперь ни правящие круги, ни представители капитала и промышленности не видели необходимости и не имели желания обновлять производственный сектор. Страна застряла на уровне устаревших технологий, исчерпала возможности расширения имперской территории и была отрезана от многих международных рынков высокими таможенными пошлинами других государств. Ее главные экспортные отрасли – металлургия, судостроение, добыча угля и производство шерсти – вступили в период упадка. Проблема сокращения экспорта усугублялась растущей зависимостью Англии от иностранных товаров. С 1900 года платежный баланс все время в дефиците: приток денег в страну меньше их оттока из страны. За последующие четырнадцать лет экономический рост сократится вдвое.

В начале 1901 года *The Annual Register*⁷ описывал будущее Англии как «полное недобрых предчувствий». А несколько недель спустя, 22 января, тревога нации усугубилась: умерла королева Виктория. Новость разлетелась по стране, повсюду звучал погребальный звон, отменялись

⁶ Сам термин *Home Rule* в русской историографической традиции зачастую не переводился, а транслитерировался как «гомруль».

⁷ Буквально «Ежегодный реестр», основан Эдмундом Берком в 1758 г. В нем собирают и анализируют важнейшие события в политике, экономике и культуре за минувший год.

театральные представления, дорожное движение парализовалось повалившимися на улицы толпами. Во многих случаях отчаяние шло в паре с растерянностью. Иностранцы порой говорят, что монархизм – религия англичан, однако и тогда далеко не все в стране были «верующими». Беллетрист Арнольд Беннетт утверждал: событие «в целом не слишком затронуло» лондонцев, «что бы ни плели журналисты».

Однако все комментаторы отмечали, что кончина королевы знаменовала собой поворотный момент в истории страны. «Теперь мы не так уверены в собственном положении, – заявляла газета *The Times*. – Может статься, наша движущая сила... как нации – исчерпана». Вскоре после смерти Виктории раздался голос, предсказывающий и уход викторианских идеалов, викторианского духа. В своем обращении к парламенту лидер консерваторов в палате общин, Артур Джеймс Бэлфур, провозгласил «конец великой эпохи».

Прошло совсем немного времени, и пал еще один столп викторианской правящей элиты. В июле 1902 года по причине плохого самочувствия ушел с поста премьер-министра лорд Солсбери: сердце и ноги политика больше не выдерживали непомерного веса его гаргантюанских габаритов. С тех самых пор, как партия либералов раскололась по вопросу об ирландском самоуправлении в 1886 году, а либеральные юнионисты перебежали к партии-противнику, этот гранд-тори контролировал всю политическую жизнь страны, лишь три года из шестнадцати не занимая кабинет премьера. Консервативный аристократ старого разлива, он испытывал отвращение к демократическим тенденциям нового времени и видел миссию своей партии в том, чтобы представлять и защищать интересы «правящего» класса землевладельцев, поддерживая *status quo*. «Что ни делается, все к худшему, – повторял он свое самое знаменитое политическое высказывание, – а потому в наших интересах, чтобы делалось как можно меньше всего». Солсбери умер в следующем году, и некоторые обозреватели увидели в его кончине предвестие развала Британской империи; другие же считали, что эта смерть подводит окончательную черту под викторианством.

Однако консерваторы, скроенные по лекалу Солсбери, отчаянно старались не замечать закат старого порядка. Викторианские ценности, включая принцип *laissez-faire* (невмешательства) в экономике и политике, а также центральное место аристократии, короны, англиканской церкви и имперской идеи в государстве, оставались для тори священны. И хотя либералы представляли коммерческие и диссидентские слои населения Англии, очень мощный аристократический элемент внутри партии проявлял приверженность идеалам свободного рыночного капитализма еще более страстно, чем их политические противники.

Пассивность обеих ведущих сил отражала инерцию политической системы. Мажоритарная система выборов практически исключала шансы на победу для новых партий. Вследствие этого власть десятилетиями принадлежала или консерваторам, или либералам. Избирательное право распространялось на мужчин, плативших не менее десяти фунтов стерлингов годовой ренты или владевших землей эквивалентной стоимости, а это означало, что 40 % англичан, а также абсолютно все женщины страны в выборах не участвовали. А поскольку членам парламента не платили жалованья, лишь состоятельные граждане могли позволить себе баллотироваться на выборы в палату общин. Невыборная и контролируемая тори палата лордов либо отвергала законодательные инициативы избранных народом депутатов нижней палаты, либо видоизменяла и уже потом передавала на подпись монарху. С виду «конституционный» монарх, глава британской церкви, армии и аристократии (и к тому же один из крупнейших землевладельцев), обладал еще и большой исполнительной властью, так называемой «королевской прерогативой», и в частности, мог снимать и назначать премьер-министров.

В противоположность английским политикам образованная верхушка радовалась окончанию викторианской эры и с упоением разрабатывала планы развития нового чудного мира. Герберт Уэллс сравнивал королеву Викторию с «массивным пресс-папье, полвека придавливающим умы людей... Стоило сдвинуть его, и идеи беспорядочно разлетелись во все стороны».

Радикалы вроде Уэллса употребляли эпитет «викторианский» в уничижительном смысле, приветствуя приход более справедливого и разумного века. Либеральный экономист Дж. А. Гобсон замечал, как много вдруг появилось людей, «полагающих своим долгом и одержимых желанием задавать такие вопросы, которые их родители считали шокирующими, и требовать на них ясных и вразумительных ответов». В чем заключается роль государства? Для чего нужна империя? Почему женщины и рабочий класс не участвуют в выборах? В чем причины политического и экономического неравенства и как с ним бороться?

Попытки ответить на эти вопросы породили изобилие политических и культурных движений. Основывались социалистические, анархистские и феминистские группы, процветали тред-юнионы (профсоюзы). Некоторые интеллектуалы обращались к религиозным учениям вроде теософии⁸ или занимались отдельными аспектами политической жизни, протестуя против вивисекции или прививок. Многие реформаторы ждали, что путь к светлому будущему укажет наука. И хотя радикально настроенные мыслители ратовали за разные подходы, Беатрис Уэбб, социалистка фабианского толка, полагала, что цель у них одна. «Вся нация, – писала она, – движется к социальной демократии».

* * *

На смену ушедшим гигантам викторианской политической элиты пришли люди, не дотягивающие до их масштаба. Виктории наследовал ее старший сын Эдуард, по словам молодого члена парламента от консерваторов Уинстона Черчилля, «наконец-то получивший пас». Эдуард родился в 1841 году и обладал внешностью, исключительно подходящей для XIX века: густые усы и внушительная фигура. Он был любителем сигар, женщин, сплетен, анекдотов и военной формы, однако главной его страстью всегда оставалась еда. Тон его правлению задал тот факт, что коронацию пришлось отложить из-за болезни монарха, вызванной кулинарными излишествами. Придворные нередко испытывали неловкость из-за очевидного монаршего переедания – учитывая, что изрядная доля его подданных жила в бедности.

Эдуард обладал характерной для Викторианской эпохи натурой, отличался весельем, энергичностью и вечно приподнятым настроением. Очевидцы описывали его «ревушим словно бык», когда он давал волю своей «наследственной ганноверской раздражительности». По многим своим политическим взглядам он также принадлежал прошлому веку. Например, отвергал идею даровать колониям автономию в рамках империи. При этом, по сравнению со своей горячо преданной консерваторам матерью, был скорее нейтрален в отношении партий и не особенно стремился вмешиваться в деятельность правительства и парламента. Впрочем, новый король настойчиво желал влиять на внешнеполитические решения. Большинство английских королей нового времени не могли бы похвастаться дипломатической подготовкой Эдуарда: он владел несколькими европейскими языками и гордился тем, что он «добрый европеец».

Викторию не слишком радовал гедонистический образ жизни старшего сына, однако любезность, элегантность и любовь к появлению на публике снискали ему немало поклонников. Когда коронация все-таки случилась, ее повсюду праздновали с большим воодушевлением, а Эдуард оставался популярной фигурой на протяжении всего своего правления. Писатель Дж. Б. Пристли, выросший в Эдвардианскую эпоху, вспоминал, что король повсеместно вселял энтузиазм, и считал, что Эдуард был самым любимым английским королем после Карла II. Английские газеты преимущественно правого толка представляли короля этакой иконой, через которую все могли причаститься власти и наслаждений.

Подобно наследованию трона, наследование должности премьера оказалось делом семейным. Лорд Солсбери, уйдя в отставку в 1902 году, просто назначил премьер-министром своего

⁸ Это течение было основано Еленой Блаватской в конце XIX в. в США.

племянника Артура Бэлфура – никаких выборов не потребовалось. То был далеко не первый случай, когда Солсбери продвигал по государственной службе своих родственников, и это лучшая иллюстрация на тему гегемонии английской аристократии и самой сути Консервативной партии.

Бэлфур, человек острого ума и изящных манер, являл собой поразительный контраст с королем, чье правительство он возглавлял. Его самая известная публикация называлась «Защита философского сомнения», а тяга к философским изысканиям шла бок о бок с даром к риторике. В то же время мастерское умение находить компромиссы в парламентских баталиях зачастую затрудняло для окружающих понимание его позиции. Казалось, Бэлфур никогда не защищает и не отрицает никакую точку зрения; не предлагая определенных действий, он предпочитал подвергать анализу все возможные варианты, так что в конце концов все они выглядели нецелесообразными. Будучи патрицием-тори, премьер абсолютно не желал менять *status quo*, а любое проявление политических страстей вызывало в нем какую-то идиосинкратическую мнительность. Словно одна только мысль о возможной анархии парализовала его, и он без устали трудился, чтобы не допустить хаоса – с помощью иронии, ораторского искусства и даже насилия. В Ирландии, где в 1880-х он занимал пост главного секретаря, его за драконовские меры прозвали «Кровавый Бэлфур». «Позволить... сторонникам самоуправления победить, – говорил он, – значит попросту проститься с цивилизацией и... властью». Бэлфур все время защищал консервативные «ценности», но ни одна отдельная политическая проблема не вызывала у него энтузиазма. Политика привлекала его сама по себе, как особый вид искусства, он не рассматривал ее как способ что-то сделать.

Многие критики Бэлфура отзывались о нем как о никчемном и неэффективном руководителе, другие упрекали в недостатке интереса к народу, которым он управлял. Поговаривали, что за всю свою жизнь он не прочитал ни единой газеты. Равнодушный к «низшим» и презрительно относящийся к среднему классу, «не пригодному» ни к чему, кроме производства товаров, премьер-министр от тори воплощал в себе всю спесь правящей аристократической элиты. Сможет ли такой лидер ответить на вызовы новой эпохи?

2

Дом, милый дом

Вдали от королевского дворца и здания парламента протянулись бесконечные улицы с недавно возведенными домами. Дома представляли собой либо сдвоенные, либо отдельно стоящие двухэтажные здания из красного кирпича с покрытыми шифером крышами, эркерами, деревянными рамами, створчатыми окнами и небольшими садиками перед входом. Заглянув за живую изгородь, скрывающую от лишних глаз эти новые жилища, прохожий разглядел бы на подоконнике за кружевными занавесками ряд тщательно подобранных предметов. Своей чистотой, аккуратностью и скромным комфортом «пригородное» жилье словно бы оповещало окружающих, как довольны жизнью и процветают здешние обитатели. Население пригородов стремительно выросло именно в Эдвардианскую эпоху: в 1910 году во «внешнем Лондоне» проживал почти миллион людей.

Новым домам давали имена – например, «Дивный вид» или «Лавры». Архетипичный житель пригорода Чарльз Путер, главный герой классического поздневикторианского сочинения Джорджа и Уидона Гроссмита «Дневник ничтожества», обитал как раз в «Лаврах». Обычно такие дома располагались кварталами или вдоль тупиковых улиц. Поблизости непременно находился парк, гольф-клуб или боулинг, а также целый ряд магазинов. По утрам мужчины в черных костюмах, шляпах-котелках и с зонтиками в руках спешили на службу, молодые матери толкали коляски с младенцами, а мальчишки из продуктовой лавки и газетного киоска разносили заказы к дверям. На этих улицах почти не встречались играющие дети. То была квинтэссенция «средней Англии».

Проблемы коммерческих и промышленных городских центров отсутствовали в пригородах. Пропитанные иллюзорным духом сельской романтики, с их рядами деревьев вдоль улиц и лужайками зеленой травы, они стали негородскими городами для тех, кто мог позволить себе бежать из сутолоки центральных районов. Чем зеленее и просторнее был пригород, тем выше поднимались цены на жилье и тем больше оказывался процент жителей-собственников. Дом в зеленом Балхэме к югу от Лондона продавали примерно за 1000 фунтов стерлингов, а сдавали за двенадцать шиллингов в неделю; такие расходы мог осилить лишь средний класс.

В самом низу пригородной прослойки находились специалисты-ремесленники, руководившие мастерскими; вышестоящие обращались к ним не просто по фамилии, а добавляя «мистер». В эту же группу входили лавочники, мастеровые, владельцы пабов и дешевых пансионатов, учителя и мелкие торговцы. Они, как правило, арендовали дома во внутренних пригородах и держали одного слугу, что, с одной стороны, было необходимо в трудоемком эдвардианском домохозяйстве, а с другой – свидетельствовало о более высоком статусе хозяев, демонстрируя, что их уровень жизни на порядок выше, чем у полуквалифицированных или вовсе неквалифицированных фабричных рабочих и прочих поденщиков. Таким людям из низов «держашего прислугу класса» чувство собственного превосходства не позволяло якшаться с рабочим людом в пабах, при том что сами они не могли себе позволить часто ходить по ресторанам, ориентированным на средний класс. Зачастую им едва хватало средств на поддержание своего социального статуса – а в эдвардианской Англии это было главное. Ситуация, когда семья скатывалась вниз по общественной лестнице и перебиралась из внутренних пригородов в центр, рассматривалась как трагическая и необратимая. Причиной трагедии могло стать банкротство, потеря работы, болезнь или смерть члена семейства.

Клерки, работающие в городских конторах, чувствовали себя более уверенно; это же относится к государственным служащим, счетоводам, младшим управленцам, зарабатывающим в год от 300 до 700 фунтов стерлингов. Они обычно нанимали двух и более слуг и могли

осилить покупку дома во внутренних пригородах – таких, как, например, Чорлтон и Уитингтон вблизи Манчестера. При этом более зеленые внешние пригородные зоны оставались для них недоступны, хоть и желанны. Самые привлекательные и элегантные пригороды колонизовала верхняя прослойка среднего класса: владельцы предприятий, оптовые торговцы, а также бухгалтеры, архитекторы, юристы, адвокаты, врачи, ветеринары, банкиры, страховщики и землемеры, составлявшие профессиональную прослойку населения. На протяжении всего XIX века они становились все более влиятельными и организованными, объединяясь по профессиональному признаку. Их доходов хватало на то, чтобы держать нескольких слуг и давать детям образование в частных школах. По завершении обучения мальчики зачастую продолжали дело отца; девочкам в ожидании брака рекомендовалось работать стенографистками или гувернантками.

Жители пригородов регулярно ездили в город, пользуясь недавно введенными маршрутами общественного транспорта: трамваев, омнибусов, наземных и подземных поездов. К примеру, Балхэм соединился с лондонским Сити линией метро через станции «Кеннингтон» и «Стокуэлл», а из Дидсбери на центральный вокзал Манчестера ходил наземный поезд. Самым дешевым транспортом были трамваи, где действовали особые «рабочие расценки», позволяющие рано утром проехать до десяти миль за одно пенни. И именно потому, что трамваи пользовались особой популярностью у рабочих, средний класс презирал их и предпочитал поезда.

Как только за пределами города строилась новая станция метро, тут же рядом вырастали офисы агентств недвижимости, предлагающих земельные участки перекупщикам, фирмам-застройщикам и частным клиентам. В 1907 году Голдерс-Грин к северу от Лондона соединили железной дорогой с Сити – через вокзалы Черинг-Кросс и Юстон и станцию Хэмпстед. Туда немедля явилась армия строителей. «С утра до ночи, – писала местная газета в 1910 году, – раздается гул и грохот, напоминающий отдаленные раскаты грома». Вокруг станции, вдоль железнодорожной линии и обычных дорог вырастали крытые черепицей островерхние крыши новых, наполовину деревянных сдвоенных домов. Ни общего плана развития территории, ни контроля местной администрации попросту не существовало, так что ради большей прибыли дома строили впритык друг к другу. Хаотичная и неуправляемая застройка не брала в расчет ни качество жизни переезжающих сюда людей, ни сохранение окружающей сельской среды. Уже в 1914 году казалось невероятным, что всего десятилетие назад в Голдерс-Грин росло множество деревьев и живых изгородей.

Непрерывный рост подобных внешних городов создавал впечатление, что и население Англии тоже растет. Однако в противоположность континентальным многоквартирным блочным домам или старой английской террасной застройке не так плотно застроенные пригороды в действительности раскрывали совершенно иную демографическую тенденцию. Жилье нового типа привлекало пожилых людей. Именно при Эдуарде впервые за все время ведения переписей прирост населения в Англии замедлился. Между 1900 и 1910 годами количество рождений снизилось с тридцати шести до двадцати четырех на 1000 человек; население росло только за счет снижения смертности и все возрастающей иммиграции.

Снижение рождаемости и смертности означало, что Англия больше не та молодая и бодрая страна, какой была в начале правления Виктории. В 1841 году половине жителей не исполнилось двадцати лет, а к 1914-му доля таких молодых людей снизилась до одной трети. Эта тенденция породила новый всплеск тревоги относительно жизнеспособности нации, в то время как растущая иммиграция подстегивала ксенофобию, и многие жаловались, что «Англия сдалась на милость ирландцев и евреев». Общественная озабоченность «испорченностью» расы и предположительным «загрязнением» англосаксонской крови привела к принятию в 1905 году Закона об иностранцах, предложенного консерваторами и ограничивающего иммиграцию в Британию из не принадлежащих империи территорий.

* * *

Лейтмотив пригородной жизни – уединенность, тихая семейная жизнь и респектабельность. Живая изгородь перед фасадом сдвоенного дома и забор, отделяющий задний двор, гарантировали, что «дом, милый дом» становился крепостью для обитающей там семьи. Соседи не причиняли друг другу беспокойства, лишь изредка обмениваясь парой слов. И все же все вокруг были в курсе вашего финансового и социального положения: о статусе хозяев говорил сам размер дома и весь его вид. Наиболее состоятельные семейства задавали стандарты, на которые равнялись остальные: смысл жизни в таком квартале чеканно выражен в расхожей с 1913 года фразе – «быть не хуже Джонсов», то есть стараться не отставать от соседей. Кроме того, случись какое-нибудь моральное падение, к примеру – нежелательная беременность, соседи немедля узнавали об этом. Порядочность и благопристойность, за которыми строго следило окрестное общество, пронизывали всю пригородную жизнь, и эпитет «респектабельный» стал синонимичным английскому среднему классу.

Одержимый благополучием и благосостоянием пригородный средний класс, разумеется, сделался предметом литературных насмешек. «Мы способны проживать глупые, нереальные, ничтожные жизни в собственных вольерах, – говорит один такой обыватель, персонаж рассказа Саки⁹, писателя из верхней прослойки среднего класса, – и при этом убеждаем себя, что мы – по-настоящему свободные мужчины и женщины, ведущие разумное существование в разумной сфере»¹⁰. Другие авторы насмехались над «простецкими» культурными сообществами новых жилых кварталов – театральными, хоровыми и флористическими кружками, коих появилось не меньше, чем боулинг- и гольф-клубов, почти безраздельно захвативших свободное время обитателей пригородов. Немало презрения и осуждения доставалось и собственно пригородам. В романе 1910 года «Говардс-Энд» Э. М. Форстер¹¹ описывал пятно «бурой ржавчины», расползающееся от Лондона в сельскую местность.

Некоторые интеллектуалы защищали пригороды. Радикальный либерал и член парламента Чарльз Мастерман предрекал, что они станут ведущей формой городской жизни в XX веке и заменят сельскую местность в качестве питательной среды для новых «английских йоменов». Считалось, что население пригородов, заряженное викторианскими ценностями (такими, как самопомощь, принцип невмешательства и индивидуализм), отличается особой энергией, амбициями, прагматизмом и агностицизмом. К тому же средний класс начинал свое восхождение как новая политическая сила. Реформы 1860-х и 1880-х частично включили его в число избирателей, а в 1918 году право голоса распространилось на весь средний класс, и на протяжении всего XX века именно его предпочтения будут определять, кому править Англией. Признавая растущее влияние этого слоя, в переписи 1911 года основным критерием социального положения семьи сделали профессию мужчины – главы семейства, а не количество принадлежащей ему земли или семейные связи.

При этом новому слою общества были присущи свои ограничения. Ни политическому самосознанию, ни чувству солидарности в пригородах не было места – интересы частной жизни превалировали там над общественными заботами. В отсутствие крепкого общинного духа и понятного всем свода этических норм просело и соблюдение религиозных обрядов. Не то чтобы в пригородах распространялся атеизм; просто люди предпочитали теперь посвящать

⁹ Гектор Хью Манро, английский писатель, историк и журналист. Саки – его литературный псевдоним, означающий на фарси «виночерпий» или «кравчий».

¹⁰ Цит. в переводе А. Сорочан, рассказ «Вольер». Авторский сборник «Морлвира», Саки (Гектор Хью Манро), 2014 г.

¹¹ Роман Эдварда Моргана Форстера экранизирован в 1992 г. под тем же названием. Фильм получил три премии «Оскар» и приз Каннского кинофестиваля.

время семье, активному отдыху и покупкам. По воскресеньям вместо того, чтобы идти в церковь, обитатели новых кварталов играли в гольф или боулинг. Большая их часть по своему мировоззрению оставалась христианами, но они все меньше ощущали необходимость подтверждать это присутствием на службах. Их равнодушие к официальной церкви Англии задало тон всей нации и всему XX веку. В грядущие десятилетия англиканская церковь будет сильно влиять на культуру, но ее воздействие на людские умы и политическую жизнь существенно уменьшится.

3

Характер сельской местности

А за пригородами простиралась старая сельская Англия, стенания об упадке которой раздавались беспрестанно. Более одного миллиона англичан по-прежнему обрабатывали землю, но их доля в общем количестве трудящихся постоянно падала. В 1851 году четверть населения занималась сельскохозяйственным трудом, а в 1911-м эта цифра упала ниже 5 %. Англия теперь представляла собой преимущественно урбанизированную страну, где порядка трех четвертей населения проживало в больших и маленьких городах. Эта тенденция вызывала опасения у тех, кто считал городской образ жизни вредным для здоровья англичан.

Сельские работники жили в основном в шести регионах: скотоводческих графствах северо-запада, северо-востока и юго-запада и на сельскохозяйственных территориях Восточной Англии, в Мидлендс (центральных графствах) и на юго-востоке острова. Упадок сельского хозяйства в конце XIX столетия особенно сильно ударил по земледелию. В 1870 году доля пахотных культур составляла половину всего сельскохозяйственного производства страны, а к 1914-му опустилась ниже 20 %. Усовершенствования в области транспорта и хранения позволяли привозить зерно даже из Новой Зеландии. На импорт приходилась половина всех потребляемых страной продуктов.

Уже в начале правления Эдуарда сельским труженикам платили невысокое жалованье. Средняя зарплата за 65-часовую рабочую неделю составляла 12 шиллингов, чего, по словам социального реформатора Бенджамин Сибом Раунтри, «семье среднего размера не хватало даже для простого поддержания физического состояния». Между 1900 и 1912 годами сельские заработки вырастут на 3 %, притом что стоимость жизни за эти годы увеличится на 15 %. При всякой возможности деревенские жители сами выращивали скот на мясо и возделывали выделенные им участки земли.

Английские крестьяне в принципе не владели землей, которую обрабатывали. Огороживания, практиковавшиеся на протяжении нескольких предыдущих столетий, привели к тому, что буквально каждый акр сельскохозяйственных угодий принадлежал какому-нибудь лендлорду. Даже в Ирландии, где в XVI–XVII веках Британия отобрала огромные территории у местных католиков, ситуация для деревенских жителей оказалась более благоприятной: по Закону о покупке земли (Закону Уиндхема) 1903 года крестьянам, желавшим выкупить надел у землевладельца, выдавали субсидию. Работа в деревне Эдвардианской эпохи зачастую описывалась как безрадостный труд ради чьей-то выгоды, при этом крестьяне жили в чудовищных условиях. Стоит ли удивляться, что так много сельских тружеников либо присоединились к профсоюзам и включились в борьбу за улучшение своей доли, либо бросили землю и ушли на заработки в города. Население деревень все уменьшалось, и традиционный сельский образ жизни с его старинными ремеслами, занятиями и развлечениями постепенно отмирал. Деревенские праздники случались все реже, закрывались пабы, а хлеб и мясо доставлялись фургонами из ближайшего городка.

Покидающие сельскую местность крестьяне по пути в крупные английские города часто встречали состоятельных горожан, едущих на машинах в противоположном направлении. Верхняя прослойка эдвардианского среднего класса прониклась тягой к более «простой» деревенской жизни, внедренной в умы такими викторианскими писателями, как Джон Рёскин. Еще большее влияние на эти умы оказывал основанный в конце 1890-х журнал *Country Life* (Сельская жизнь): он обещал «деловым людям, любящим деревню», «покой, мир и изобилие». Весь следующий век ностальгия по традиционной сельской жизни (преимущественно выдуманной) будет отличительной чертой сознания городского среднего класса. Чем больше раз-

рушалась деревня, тем сильнее оказывал влияние на английскую душу иллюзорный традиционный идеал.

Да, богатые горожане провозглашали любовь к сельской пасторали, однако не собирались расставаться с современным комфортным существованием. Вместо того чтобы ремонтировать дряхлые коттеджи, брошенные подавшимися в город фермерами, они выстраивали новые «коттеджеподобные» дома, оснащенные всеми городскими удобствами. Вдоль Темзы протянулись бесчисленные «прибрежные» коттеджные поселки, а их обитатели легко могли воспользоваться регулярными железнодорожными рейсами прямо до Сити. Новые жилища располагались в сельской местности, но не были сельскими. Из домов и дворов доносились звуки фортепиано и стук теннисных ракеток по мячу, на деревенских улицах звучали городские разговоры.

Крестьяне же, попав в город, оказывались в лабиринте из множества улиц с неотличимыми друг от друга домами и магазинами. Большую часть населения городских центров составляли поденщики или полуквалифицированные рабочие, занятые на фабричном производстве или строительных работах на условиях еженедельных выплат. Еще ниже на социальной и экономической лестнице находились люди, зарабатывающие всяким сомнительным ремеслом, – старьевщики, точильщики и лоточники. Согласно переписи 1911 года наемный домашний труд по-прежнему оставался главным занятием работающих мужчин и женщин: прислужгой работало около миллиона с четвертью человек. Количество нанятых в услужение людей подкрепляло консерваторскую идею о том, что в Англии иерархичное общество совершенно естественно, и каждый в нем знает свое место.

Рабочий люд, не живущий по месту службы (как в случае с прислужгой), часто селился в поздневикторианских крохотных городских домишках «две комнаты сверху, две снизу»¹². Эти дешевые «рабочие коттеджи» отличались плохой изоляцией и не оснащались водопроводом, хотя во многих проводилось газовое освещение. Семья проводила время в основном в задней комнате на первом этаже, служившей одновременно и гостиной, и кухней. В парадной гостиной выставляли всю лучшую мебель – этой комнатой пользовались лишь в особых случаях. За домом размещался крошечный дворик с уличным туалетом. Двор мог служить микроскопическим огородом или просто складом рабочих инструментов.

Чуть меньше половины рабочего класса официально были признаны оказавшимися за чертой бедности. Национальный доход за время правления Эдуарда вырос на 20 %, но зарплаты упали на 6 %. Если отец семейства не приносил в дом достаточно денег на еду, его жена вынуждена была закладывать вещи. В первое десятилетие нового века порядка 700 ломбардов действовало в пределах 15 километров лондонского Сити.

Всякого работающего человека постоянно преследовал страх нищеты: она могла прийти вследствие потери работы, ухудшения здоровья, урезания жалованья или несчастного случая на производстве. Если денег переставало хватать на аренду террасного домика, еще недавно уважаемая семья вынуждена была перебираться в переполненные убогие лачуги по «остаточному» принципу. Считается, что в 1910 году в Лондоне 35 000 человек не имело вообще никакого жилья. Ночами они бродили по улицам города, а утром, когда открывались ворота общественных парков, укладывались спать на скамейках. Работные дома тоже не предлагали ничего утешительного. Их постояльцы, весь день щипавшие паклю или коловшие камень, словно заключенные, зарабатывали себе лишь скудный обед, а любая оплошность могла закончиться тюрьмой.

Представители среднего класса часто описывали трудящихся как иную расу – чахлах, нездоровых, склонных к насилию и постоянно измотанных людей, пристрастившихся к табаку и алкоголю. Благовоспитанные реформаторы клеймили выпивку как «проклятье рабочего

¹² Устоявшийся термин *two-up, two-down* именно это и означал: две комнатки внизу, две спальни на втором этаже.

класса», а сами пьяницы описывали ее как «кратчайший путь к выходу из трущоб». Религия в число любимых народом стимулирующих средств не входила – меньше 15 % трудового населения городов регулярно появлялось на церковных службах. Иные священники переживали, что работяги скатываются обратно в язычество, но более чуткие наблюдатели понимали, что те никогда по-настоящему и не обращались в христианскую веру. Характерно, что конфессии, которым еще удавалось удерживать рабочую паству, исповедовали веру, где неземные материи сочетались с интересом к вполне мирским, политическим проблемам. Кейр Харди, пылкий нонконформист¹³, ставший в 1892 году первым в истории «лейбористским»¹⁴ членом парламента, заявлял, что «единственный способ служения Богу – это служение людям». К англиканской церкви рабочие относились с равнодушием, и неудивительно: у нее была устойчивая репутация «партии тори на молитве».

¹³ Нонконформистами называли английских протестантов вне государственной англиканской церкви.

¹⁴ Тогда Лейбористской партии еще не существовало, но Харди имел рабочее происхождение, и по смыслу был именно лейбористом (*labour* – труд), отстаивая интересы трудового народа.

4

На двух стульях

Низкие доходы, вечная угроза нищеты и слишком явное социально-экономическое неравенство порождали среди трудового населения тревогу и злость. Классовая борьба представлялась неизбежной в стране, где даже в общественных банях существовала сегрегация между работягами и «высшими классами». В 1900 году группы социалистов, включая фабианцев и Независимую рабочую партию (Independent Labour Party, ILP), совместно с различными профсоюзными деятелями, не желавшими терять узаконенный статус тред-юнионов и право на забастовки, создали представительный Комитет лейбористов (Labour Representation Committee, LRC). Главная цель комитета (а с 1906 года – просто Лейбористской партии) заключалась в защите интересов рабочего класса в палате общин: предполагалось финансово поддерживать парламентариев, которые должны были, как выразился Кейр Харди, объединиться в «заметную лейбористскую группу... и сотрудничать с любой партией, продвигающей законодательные проекты в пользу рабочих». Комитет принял концепцию «постепенного» социализма, предполагающую шаг за шагом совершенствовать существующую экономическую, политическую и социальную систему Британии. В их планы не входила революция, только реформы.

В политической истории XX века возвышение лейбористов в парламенте и как следствие – избирательные трудности для Либеральной партии – отдельный поразительный сюжет. Уже в 1901 году фабианец Сидни Уэбб предположил, что появление партии труда напрямую угрожает статусу либералов как «прогрессивной организации с прогрессивным чутьем», а также их репутации главных противников тори. И все же первые пять лет лейбористы оставались лишь парламентской группой влияния, не претендующей на место Либеральной партии. Группа включала всего двух членов парламента, один из которых – сам грозный Харди, известный тем, что ходил на заседания в матерчатой кепке, а не в традиционном шелковом цилиндре. Одно его присутствие в Вестминстере вызывало у многих шок. «В складках монархии, – писал один журналист, – завелась республика». Пресса, преимущественно консервативная, честила Харди на чем свет стоит за его республиканские взгляды. С задней скамьи парламента он пропагандировал идею увеличенного и прогрессивного подоходного налога (который тогда платили лишь 7 % населения), за счет которого предлагал проводить социальные реформы во благо рабочего класса.

Пока еще никто особо не прислушивался к голосам лейбористов. Администрация Блэфаура, продержавшаяся с 1902 до 1905 год, не имела ни малейшего интереса к социальному законодательству, а уж идея повышения налогов большинству тори казалась попросту вопиющей. Тем не менее в 1903 году правительство издало Акт о безработных, в котором государство хотя бы признавало существование проблемы. Самой амбициозной внутриполитической законодательной инициативой правительства оказался Закон об образовании 1902 года. Он обеспечивал финансирование конфессиональных религиозных школ из местных бюджетов, причем по закону начальные школы, существующие на пожертвования и управляемые представителями англиканской и католической церковью, приравнивались к тем, которыми руководили советы попечителей. Закон вызвал бурю возмущения на скамьях либералов. Те утверждали, что акт дискриминирует неконформистов, поскольку субсидии предполагаются в основном для англиканских школ.

Закон об образовании повлек много противоречий, но *cause célèbre*¹⁵ правления Бэлфура – протекционизм. В 1902 году группа либеральных юнионистов и консерваторов попыталась убедить правительство ввести таможенные сборы на все импортные товары, ввозимые в Британию не с имперских территорий. Их предложения по сути предполагали конец экономики невмешательства и свободной внешней торговли – двух бесспорных викторианских догматов. Либеральная партия выступила против – на тех основаниях, что ничем не стесненная конкуренция естественна, добродетельна и патриотична.

Дебаты не только четко разделили две партии, но и разбили коалицию юнионистов с консерваторами. Многие тори с сочувствием относились к фритредерским¹⁶ идеям либералов, а кроме того, питали искреннее убеждение, что менять существующее положение вещей вредно. Как такая радикальная идея, вопрошали они, могла родиться в коалиции, где господствовали консерваторы и чьей основной целью было *законсервировать* все как есть и сохранить как можно дольше власть партии, безраздельно царившей в Вестминстере почти два десятилетия?

На это имелся простой ответ, а именно: Джозеф Чемберлен, министр по делам колоний и лидер либерал-юнионистов. Сам факт его обращения к таможенной реформе гарантировал, что этой теме суждено стать громкой. Чемберлен, по меткому замечанию молодого тори Уинстона Черчилля, был из тех, кто «делал погоду» – в кабинете министров, в парламенте и в стране. Харизматичный политик с бутоньеркой в петлице и моноклем был «сделан в Бирмингеме» и до мозга костей пропитался самоуверенностью города, пережившего невероятный материально-технический взлет во время промышленной революции. Бывший фабрикант, производитель шурупов, он отличался резкостью, практичностью, энергией и амбициями. Символ процветающей бирмингемской коммерческой аристократии, в 1870-х Чемберлен занимал пост мэра города и сильно улучшил городскую инфраструктуру, реализуя программу «муниципального социализма».

Учитывая характер и биографию Чемберлена, неудивительно, что не все тори радовались его переходу на их половину палаты общин в 1886 году, после внесения либералами первого законопроекта о самоуправлении в Ирландии. Многие консерваторы полагали, что старинной партии правящего класса землевладельцев и англиканской церкви не стоит вступать в союз с фабрикантами и оппозиционерами, в особенности такими, как Чемберлен, – радикальными, вспыльчивыми и потенциально несущими раздор. Однако в смысле грядущих выборов он оказался необычайно ценным приобретением для будущего политического альянса. В 1895 году его либерал-юнионисты заняли 71 место в парламенте и вошли в коалицию, а его действия как министра по делам колоний с тех самых пор пользовались большой поддержкой народа. Чемберлен, будучи рьяным империалистом, считал, что «британский народ – лучший правящий народ из всех, которые видел мир». Его имперский план заключался в создании тесных связей между «родственными нациями» ради «схожих целей». В частности, он стремился укрепить «узы», призванные соединить Британию, Канаду и Америку в «еще более Великую Британию». Впрочем, укрепления и интеграции империи Чемберлену было мало, он мечтал о расширении ее границ. Его агрессивные действия разожгли конфликт с бурами, который так и называли – «война Джо». На первом этапе военных действий он наслаждался триумфом британских войск, что привело к решительной победе юнионистского альянса на парламентских выборах 1900 года.

Речи и статьи Чемберлена во время той предвыборной кампании пересыпались лозунгами. «Каждое потерянное место в правительстве, – говорил он, – это уступка бурам». Чемберлен считал, что тонкие аргументы не годятся для нового века. «В политике, – заявлял он, – надо

¹⁵ Громкое дело, резонансный вопрос (*фр.*).

¹⁶ Фритредерство – направление, предполагающее минимальное вмешательство государства в предпринимательскую деятельность, в определенных случаях противопоставлялось протекционизму. – *Прим. ред.*

рисовать широкими мазками». Его дар напрямую обращаться к обладающим правом голоса низам среднего класса и деловым кругам, используя понятный им язык и современные средства печати, делал его уникальным в рядах коалиции. Как сказал Черчилль, он был тем, «кого знали массы». И хотя многие тори и почти все либералы обвиняли политика в том, что его демагогические приемы снижают стандарты публичной деятельности, партийной верхушке ничего не оставалось, кроме как мириться с этим.

Позорный провал Бурской войны похоронил джингоизм, либеральная оппозиция набирала обороты, и Чемберлену понадобился новый боевой клич. Кроме того, он уже приближался к почтенному 70-летнему возрасту и жаждал вписаться в какое-нибудь последнее приключение. Желательно такое, которое помогло бы ему воплотить самую большую свою амбицию – возглавить юнионистское правительство. Чутко улавливающий дух времени Чемберлен первым ощутил, что предприниматели и низы среднего класса медленно приходят к мысли, что свободная конкуренция – всего лишь викторианский трюизм. Вот это-то откровение и вдохновило его на проект протекционистской таможенной реформы.

Чемберлен представил свой план кабинету в 1902 году. Одних коллег ему удалось убедить аргументами, что новые таможенные пошлины защитят английское производство от иностранных конкурентов, но другие отнеслись к программе с открытой враждебностью. Бэлфур решил, что он не может рисковать доверием критиков Чемберлена и поддержать его план. Официальная позиция правительства отличалась классической Бэлфуровой амбивалентностью: протекционистская реформа в целом желательна, но сейчас ее проведение нецелесообразно. Чемберлен был не из тех, кто готов ждать. В мае 1903 года он бросил Бэлфуру вызов, обнародовав свои предложения в ошеломительной речи, произнесенной в Бирмингеме: политик утверждал, что английское фритредерство вкупе с таможенными пошлинами, налагаемыми другими государствами на английские товары, разрушают промышленность страны. «Сахара нет, шелка нет, железо под угрозой, шерсть под угрозой, хлопок исчезнет! Как долго вы собираетесь это терпеть?» Лишь введение таможенных пошлин на товары, производимые вне империи, может остановить экономический упадок и сохранить рабочие места. «Таможенная реформа – работа для всех!» – гласил его новый слоган. Кроме того, протекционистская политика благоприятствовала двум самым дорогим его сердцу идеям – империализму и социальному реформаторству. Он крепче связал бы обширную империю в единый экономический, политический и военный блок, а также увеличил бы приток средств в казну, дав возможность правительству заняться внутренним законодательством. Таким образом, за социальные реформы заплатили бы «иностранцы», а не налогоплательщики-англичане.

Предложенную Чемберленом панацею от всех английских бед публика приняла на ура. Некоторые парламентарии-юнионисты хвалили программу, видя в ней амбициозную попытку обновить «единый национальный торизм» Дизраэли и оживить концепцию империи как в умах народа, так и в качестве партийной повестки. Бэлфур пребывал в смятении. На него давили со всех сторон, требуя сделать выбор между протекционизмом и свободной торговлей, но ни его кабинет, ни его партия не имели единого мнения по этому вопросу. Бэлфур так и не решился принять чью-либо сторону, предоставив своим министрам полную свободу мнений. Он также предложил половинчатый законопроект, призванный умиротворить обе фракции его партии: «ответные» таможенные пошлины вводились лишь для тех государств, которые практиковали подобное в отношении британских товаров; то есть протекционистские меры в итоге как бы способствовали свободной торговле.

С этим типичным двусмысленным решением была лишь одна проблема: оно не удовлетворило ни одну из сторон. А нежелание премьер-министра твердо проводить какую-либо линию в своем кабинете интерпретировалось как пренебрежение обязанностями национального лидера. В отставку подали представители обеих фракций, при этом также вышедший из кабинета Чемберлен заявил: лично он потратит освободившееся время на то, чтобы разнести

свою благую весть по всей стране. Не вступая с ним в спор, Бэлфур пообещал выделить средства на проведение таможенной реформы после следующих выборов, если тот сумеет убедить в ее пользу большинство электората.

Этот эпизод сильно подкосил позиции Бэлфура и в партии, и в палате общин, где бесконечно звучала громогласная либеральная критика. Премьер верит в протекционизм, утверждали его противники, но знает, что такие меры не слишком популярны, и потому принес в жертву прагматическим соображениям своего самого способного министра и собственные убеждения, а без Чемберлена правительство лишено амбициозных проектов и главного источника энергии и идей. Удивительно, но Бэлфур сумел продержаться на двух стульях еще пару лет, однако в ноябре 1905 года его окончательно ослабевший кабинет ушел в отставку. Это могло оказаться уловкой: теперь сформировать правительство предстояло либералам, и в этом теновом либеральном кабинете должны были проявиться все разногласия внутри оппозиции. Если так, то уловка не удалась. Пусть и не вся либеральная верхушка безоговорочно поддерживала своего лидера сэра Генри Кэмпбелл-Баннермана, но он все равно успешно сформировал кабинет и привел единую партию к победе на выборах в январе 1906 года. Прошло пять лет с окончания Викторианской эпохи, и вот бездеятельный высокородный премьер-министр изобличен и изгнан с Даунинг-стрит. Ему никогда больше не руководить этой страной.

5

Самая могучая вещь

Что было характерно для администрации Бэлфура, так это ощущение нестабильности и бессилия. И нигде это не проявлялось с такой силой, как во внешней политике. Британия утратила главенствующее положение в мире и не могла одновременно отражать вызовы на разных фронтах: ее экономика слабела, империя растеклась на слишком большие территории, рост населения замедлился. Часть британцев вообще сомневалась в способности страны справиться хотя бы с одной угрозой.

Считалось, что наиболее вероятная опасность исходит от Германии. Англичан беспокоила процветающая немецкая промышленность, многочисленная сухопутная армия, империалистические мечты кайзера и непрерывно растущий флот. Адмирал Тирпиц в своей морской программе 1900 года прямо поставил целью создание флота «такой силы, что даже самая мощная из морских держав, вступив в войну с Германией, рисковала бы поставить под удар эту свою мощь». Это воспринималось как плохо прикрытая угроза Британии. Министерство иностранных дел Британии заявило, что Германия «проявляет стремление к политической гегемонии и господству на море, угрожая независимости своих соседей и в конечном итоге представляя опасность для самого существования Англии».

Консервативные английские издания призывали правительство ответить строительством лучше оснащенных и больших по размеру военных кораблей, и к 1905 году большая часть общества согласилась с этой идеей. Именно флотом больше всего гордилась страна, как раз отмечающая столетие победы при Трафальгаре. Защищая торговые пути и границы империи, флот гарантировал и процветание, и безопасность Англии. Правительство Бэлфура отреагировало на требования народа и выделило финансирование на постройку корабля его величества *Dreadnought* («Бесстрашный»), громадного военного судна, спущенного на воду в Портсмуте в 1906 году в присутствии короля Эдуарда. Один из английских адмиралов назвал его «самой могучей вещью в мире», и тот действительно произвел всенародную сенсацию. Вскоре в военно-морскую игру включились Соединенные Штаты, Япония и Германия, и британская пресса начала требовать победы в гонке вооружений.

Но даже если победа в такой гонке в принципе возможна, то полагается ли за нее приз – в виде мирного времени? Ведь в конце концов, сколько бы дредноутов ни заготовила Англия, она больше не может править морями в одиночку. Некогда английские политики восхваляли «великолепную» изоляцию страны от континентальных проблем; она позволяла Англии сосредоточиться на глобальном и расширять границы империи. Теперь, когда империя растянулась на полмира, а экономика страны пришла в упадок, изоляция сама по себе сделалась пагубной. Назрела необходимость срочно искать союзников в Европе, однако на континенте у Англии почти не осталось друзей. Повсеместное осуждение действий Британии в Бурской войне еще больше оттолкнуло потенциальных союзников. Зачем угнетать *volk*¹⁷ свободных фермеров, если не ради жадности до золота Южной Африки? Злосчастный конфликт немало усугубил долгоиграющие подозрения французов насчет *la perfide Albion*¹⁸; возможность англо-французского союза казалась весьма шаткой.

Тем не менее король Эдуард решительно намеревался улучшить отношения с ближайшим соседом. Он осознал опасность изолированного положения Англии и предпочел французов немцам. Его государственный визит во Францию в 1903 году помог создать атмосферу,

¹⁷ Народ, нация (*нид.*).

¹⁸ Коварный Альбион (*фр.*).

в которой на следующий год стороны подписали исторический документ – *Entente Cordiale*¹⁹. Соглашение, основанное на общих подозрениях в отношении Германии, знаменовало конец многовекового обоюдного англо-французского недоверия. А вот вялые попытки Эдуарда как-нибудь наладить связи с немцами ни к чему не привели. Король вскоре повздорил с кайзером и ополчился против «лживых» германских представителей; кайзер, в свою очередь, обозвал англичан «выродками».

Очень скоро Германия дала шанс протестировать *Entente Cordiale* в действии, воспротивившись попытке Франции установить контроль над Марокко. Под предлогом защиты экономических интересов, а в действительности демонстрируя военную угрозу, к месту конфликта отправился немецкий крейсер. К негодованию немцев Англия все-таки поддержала партнера, и это сильно укрепило новообразованный альянс. Кайзер обвинил англичан в том, что они «ведут антигерманскую политику по всему миру», тогда как в самой Англии распространились сильные антинемецкие настроения. Герберт Уэллс в своем романе «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» (1916 год) писал, что «столкновение английских и немецких интересов в мировом масштабе» стало «константой в сознании англичан... Целое поколение выросло под угрозой войны с Германией».

В поисках союзников Англия обращала свой взор и за пределы Европы. Чемберлен последовательно отстаивал идею альянса Британии и Соединенных Штатов, «еще более Великой Британии», считая, что она могла бы доминировать в мировой экономике и следить за порядком на всем земном шаре. Такая перспектива не казалась слишком реалистичной, а вот крепкие дипломатические связи между двумя государствами вполне можно было наладить. Начиная с 1890-х стали привычным явлением браки между богатыми американскими наследницами и английскими аристократами, повсюду увлеченно обсуждали общее историческое и лингвистическое прошлое. В конечном итоге было достигнуто соглашение, где Британия, в частности, признавала претензии Америки на Аляску и Карибские острова. Англии пришлось смириться с новой реальностью, где Штаты имели экономическое и морское превосходство. Ни международные договоры, ни спуск новых дредноутов не могли унять тревоги касательно боеспособности страны. Многие считали, что военная мощь государства напрямую зависит от национальной гордости и сильного боевого духа; и похоже, в Англии наблюдался недостаток того и другого.

Еще одним проявлением охватившего Англию беспокойства стало движение мальчиков-скаутов. Его основатель, генерал-лейтенант Роберт Баден-Пауэлл, принимал участие в Бурской войне и не понаслышке знал о плачевном состоянии английских войск. Убежденный, что Британская империя находится в процессе распада, он решительно желал замедлить этот процесс. Тень имперской и национальной катастрофы омрачает каждую страницу его книги «Скаутинг для мальчиков» (*Scouting for Boys*), бестселлера 1908 года. Книга вдохновила многих энтузиастов по всей Англии на спонтанное создание «скаутских патрулей», а к 1910 году в подобных отрядах насчитывалось около 100 000 ребят. Мальчиков собирали «старшие», зачастую бывшие солдаты; они вдохновляли парней тренировать физическую силу, жизнестойкость и находчивость, причем упор делался на активные уличные занятия и навыки выживания. «Благодаря скаутингу болезненные, слабые, сутулые мальчики, – обещал Баден-Пауэлл, – получают возможность всесторонне развивать мужественность». Скауты превратились в неофициальную молодежную армию: их форма походила на военную, у них существовала система рангов, линейки со знаменами и смотром отрядов. А их девизом стали слова «Будь готов».

¹⁹ Буквально «сердечное соглашение» (*фр.*).

6

Спрос на реформы

Либералы выиграли выборы 1906 года с огромным отрывом. Юнионистская коалиция потеряла больше половины из своих 400 мест, включая самого Бэлфура и многих других членов кабинета министров. 397 либералов вернулись в палату общин, и партия теперь опережала соперников на 241 место. Консерваторы потерпели одно из самых сокрушительных поражений в своей истории; после двадцати лет политического господства многим тори нелегко было смириться с этим. Бэлфур принял проигрыш стоически. Когда объявили результаты голосования, он лишь пробормотал: «Что ж, такое *будет* случаться».

Во время предвыборной кампании либералы критиковали деятельность юнионистской коалиции, особенно Бурскую войну. Они также выступали против протекционистских планов Чемберлена, утверждая, что таможенные пошлины только увеличат цены на привозные товары. Приняв этот аргумент, электорат согласился с тем, что доктрина невмешательства по-прежнему будет преобладать в экономической политике, возможно во вред промышленному сектору, который срочно нуждался в обновлении. То есть выборы 1906 года по смыслу оказались выражением протеста. Обладатели права голоса сурово осудили не только юнионистскую коалицию, но и партию тори, и консерватизм как таковой. Избиратели сочли, что партия не способна ответить на вызовы нового века и что «правящий класс», чьи интересы она представляла, не достоин власти. Симптоматично, что половина избранных в 1906 году депутатов впервые вошли в парламент, и мало кто из них происходил из класса джентри.

Теперь список приоритетов Бэлфура возглавляли две задачи: вернуться в палату общин и сохранить лидерство в своей партии. Первая решилась за счет гарантированного места в парламенте, вторая оказалась более проблематичной. Многие тори винили его в провале на выборах. Лео Макс, редактор правого издания *National Review*, полагал, что Бэлфур «заслужил себе повсеместную дурную славу вне палаты общин». Ситуация для него осложнялась и тем, что большинство переизбранных в 1906 году консерваторов и либерал-юнионистов придерживались протекционистских взглядов. Таким образом, он оказался во главе альянса, главные чаяния которого, в общем-то, не разделял; к тому же за место главы партии с ним конкурировал Чемберлен. Однако к своему семидесятилетию главный двигатель юнионистов начал сбавлять обороты. Вскоре после выборов Чемберлен перенес инсульт и вынужден был оставить общественную жизнь. На некоторое время Бэлфур оказался бесспорным лидером.

Но не только некомпетентное руководство Бэлфура и уход от дел Чемберлена внушали пессимизм членам Консервативной партии. Консерватор и член Тайного совета²⁰ сэр Джеймс Фергюссон проиграл на своем участке рабочему представителю профсоюза, а подобные поражения предвещали тяжелые времена. «Старой доброй Консервативной партии больше нет», – жаловался один заслуженный тори. Лейбористов рассматривали и как главную причину поражения в предвыборной гонке, и как самую насущную из грядущих проблем. «Движение и организация лейбористов, – комментировал другой политик-тори, – приобрели несравнимо большую важность, чем что-либо другое». Бэлфур соглашался: в результатах выборов ему чудилось «отдаленное эхо тех же революционных брожений, которые привели к бойне в Петербурге, мятежам в Вене и социалистским шествиям в Берлине».

Фракция лейбористов в парламенте стремительно возросла с двух до 29 членов. Такому успеху способствовал секретный либерально-лейбористский пакт 1903 года, согласно которому представители обеих партий обещали не соперничать друг с другом в определенных изби-

²⁰ Тайный совет – специальный орган советников монарха.

рательных округах. И те и другие исповедовали последовательный антимилиитаризм, фритредерство и стремление к социальным реформам, хотя в перспективе их намерения очевидно различались. Либералы стремились возглавить страну в целом, тогда как лейбористы сосредоточились на интересах рабочего класса и профсоюзов. К тому же парламентарии-лейбористы ратовали за куда более глубокое социальное реформирование, чем большинство либералов.

Соглашением 1903 года либералы купили поддержку небольшой группы парламентских лейбористов – тогда, когда безоговорочная победа на выборах казалась им неосуществимой. Лейбористы находились в шаге от превращения в независимую парламентскую силу и партию, за которую когда-нибудь неизменно будут голосовать все наименее состоятельные избиратели. «Мы горячо симпатизируем представителям лейбористов, – говорил Кэмпбелл-Баннерман. – Их слишком мало в палате общин». Этот краткосрочный расчет имел долгосрочные последствия. Соглашение помогло лейбористам сформировать крупную партию, способную соперничать с либералами в качестве оппозиции тори среди прогрессивного среднего класса. И все же рисковали не только либералы. Существовала опасность, что лейбористы потеряют свою отдельную идентичность и постепенно растворятся в среде либералов, крайние левые представители которых отстаивали очень схожую с лейбористской программу социальных реформ.

Среди новоиспеченных членов парламента выделялись красноречивый шотландец Рамсей Макдональд и методичный йоркширец Филип Сноуден. Оба они в прошлом имели связи с партией либералов, при этом Макдональд выступал одним из архитекторов «либ-лейб» пакта. И хотя оба они провозглашали себя сторонниками социализма, их социализм был парламентским, христианским и нереволуционным. Как и большинство других рабочих членов парламента, они представляли поколение не так давно получившего доступ к образованию рабочего и нижнесреднего класса. Их сознание сформировалось скорее под влиянием британских писателей вроде Томаса Карлейля, Джона Рёскина и Чарльза Диккенса, чем трудов Карла Маркса. Закрепившись в качестве лидера лейбористов в палате общин, Макдональд твердо намеревался превратить свою фракцию в сильную парламентскую партию, а не оставаться всего лишь профсоюзной группой давления. Он верил, что однажды на выборах такая партия сможет потеснить либералов в качестве ведущей альтернативы консерваторам. К Макдональду, Сноудену и Кейру Харди в палате общин присоединился Артур Хендерсон, методист и самоучка, некогда поддерживавший либералов. Возвышение Хендерсона от видного профсоюзного деятеля до члена парламента – прекрасная иллюстрация, почему эти выборы оказались успешными для лейбористского движения: чтобы закрепить свои законодательные достижения, в политическую борьбу решили вступить профсоюзы.

Новые члены парламента были серьезные, усердные и зачастую абсолютно непьющие, однако, несмотря на их в высшей степени нереволуционный настрой, само присутствие таких людей в палате общин вызвало смятение среди ортодоксальных тори. Что скажет король Эдуард на открытии парламентской сессии насчет их нелепого внешнего вида? Продвинутые интеллектуалы и оптимистично настроенные реформаторы, напротив, приветствовали вливание новой крови, и тем самым еще больше подтверждали культурный разрыв между теми, кто желал укрепить и подпереть викторианский порядок, и теми, кто желал построить более равноправное общество на руинах викторианства.

* * *

Успех политиков, проповедующих социализм, свидетельствовал: взгляды на государственное вмешательство изменились. Социализм предполагал реорганизацию общества и экономики на благо всего населения, а не только элиты. Государство, до сих пор ассоциировавшееся с ненавистными законами о бедных, принудительным образованием и запретом на

употребление алкоголя, теперь все чаще представало в более светлых тонах. Люди постепенно начинали ощущать себя дольщиками общенационального предприятия.

Опубликованные социологические исследования на тему бедности показали, что невозможно более списывать плачевное состояние бедняков на их безнравственность. Теперь их положение считалось следствием социальных и экономических обстоятельств, на которые они никак не могли повлиять. Радикальная эдвардианская интеллигенция прочно внедрила идею, что сама по себе бедность – проблема, которую администрация должна признать и которой стоит заняться на государственном уровне. После таких выступлений мало кто остался при мнении, что нищету возможно искоренить личными усилиями, местными комитетами и благотворительными организациями. Даже *The Times* заговорила о неизбежности обширных реформ и о том, в какой степени правительству следует влиять на перераспределение благ. Многие ожидали от либерального кабинета амбициозной программы внутривнутриполитических реформ и снижения уровня бедности. Готовы ли были к этому сами либералы? В конце концов, викторианский либерализм строился на принципе невмешательства.

Судя по предвыборной программе, партия не могла и не хотела существенно реформировать социальное законодательство. Лидер либералов – представительный, проницательный и обаятельный шотландец Кэмпбелл-Баннерман (или, как предпочитал он сам, К-Б) – опирался в предвыборной кампании на традиционную Гладстонову платформу «мир, экономия и реформы». В борьбе за голоса избирателей большинство либералов сосредоточились на критике правительства Бэлфура вместо того, чтобы представить новаторский и детально разработанный политический план. Тем же козырял К-Б все семь лет, пока возглавлял оппозицию консерваторам. Один журналист так описывал разницу между лидерами партий: когда в палате общин Кэмпбелл-Баннерман пресекался с утонченным аристократом Бэлфуром у вализы для официальных бумаг, казалось, что «плотного добродушного человека из Сити» «призвали скрестить с грациозной шпагой проворного фехтовальщика всего лишь свою трость для ходьбы». К-Б умел действовать эффективно и всегда невозмутимо, к вящему раздражению Бэлфура.

К избирательной пропаганде от противного он прибег, руководствуясь как необходимостью, так и сознательным выбором. Возглавляемая им партия, разобщенная и разнородная, проявляла единодушие лишь в критике противника. Когда Бэлфур вынудил либералов формировать правительство в конце 1905 года, проимперская фракция, включавшая таких видных членов парламента, как Герберт Генри Асквит и сэр Эдвард Грей, попыталась спровадить К-Б в палату лордов и тем самым обеспечить себе контроль над нижней палатой. К-Б подорвал мятеж, предложив зачинщикам ключевые посты в своем кабинете при условии, что те откажутся от своих требований. Они согласились и приняли его расплывчатую и нейтральную предвыборную программу.

Разногласия внутри Либеральной партии свидетельствовали о крайне неоднородных элементах в ее составе. Отдельно выделялись нонконформисты, а также коммерсанты и промышленники; но в то же время в нее входили и аристократы-виги, и радикалы вроде Джона Бернса, сына прачки. Партия традиционно защищала нонконформистов от нападков официальной церкви; она также стояла на стороне торговли и промышленности в противостоянии с интересами землевладельцев. Однако было очень трудно сформулировать последовательную и внятную политическую программу, удовлетворившую бы все фракции. В исторической перспективе либералы предпочитали выступать с какой-то позицией по отдельным «делам», например самоуправлению в Ирландии, но это грозило партии ярлыком вечных оппонентов. Нити, связующие малосовместимые внутривнутрипартийные элементы, тоже слабели со временем, а некоторые группы могли перевернуться на другую сторону. К примеру, перебежчик с либеральной скамьи на консервативную половину палаты общин Джозеф Чемберлен наглядно про-

демонстрировал, что партии не стоит рассчитывать на вечную преданность даже бизнесменов-нонконформистов, добившихся всего собственными силами.

Однако в начале 1906 года сторонники либералов источали уверенность. В новом парламенте на почетной передней скамье восседали различные талантливые представители Церкви Либерализма, ощущая спинами поддержку 400 однопартийцев. Три бывших «империалистских» мятежника сидели бок о бок с радикалами и нонконформистами, а несколько министров носили аристократические титулы. В начале парламентских дебатов К-Б взял верх над Бэлфуром. «Этот почтенный джентльмен, – заявил новый премьер, – ничему не научился и вернулся в палату общин с тем же фривольным подходом к решению серьезных задач. Он не слишком хорошо понимает дух нового парламента... Приступим к делу».

«Дело» состояло в принятии социальных законов, которые, будучи скромными по масштабу и результату, все же внесли значительные улучшения в жизнь на фоне тщетных потуг администрации Бэлфура. Отныне всем школьникам полагалось бесплатное питание, если о том запрашивала местная администрация; права и легальный статус профсоюзов закреплялись в Законе о производственных конфликтах 1906 года; а принятый в том же году Закон о компенсации рабочим гарантировал выплаты в случае получения производственных травм. Что до внешней политики, то кабинет К-Б предоставил бурскому народу колонии Трансвааль самоуправление, закрыв наконец печальную главу английской истории.

7

Ужасные близнецы

3 апреля 1908 года К-Б, переутомившийся от работы и парализованный вследствие нескольких сердечных приступов, ушел с поста премьер-министра. Он умер пару недель спустя, по-прежнему занимая резиденцию на Даунинг-стрит. За кулисами ожидал своего выхода компетентный преемник в лице Герберта Генри Асквита. Несмотря на участие в мятеже, Асквит был верен К-Б, занимая должность канцлера казначейства в его кабинете и демонстрируя недюжинные административные способности. Черчилль говорил, что «ум» Асквита «открывается и закрывается плавно и точно, словно затвор пистолета», и в этом образе сумел передать непринужденную эффективность премьера. Непринужденность присутствовала и в его прозвище Поддатый (Squiffy), намекавшем на привычку политика изрядно выпивать, даже когда ему предстояло заниматься политическими вопросами. Он был в своей тарелке и на приеме в загородном поместье, где вполне мог насладиться карточной игрой и обществом молодых дам, и в лондонском клубе в компании аристократов.

Человек с происхождением Асквита в самой сердцевине английского истеблишмента был явной диковинкой. Он родился в Йоркшире, в семье радикальных нонконформистов, сделавших состояние на шерсти, и в раннем возрасте осиротел. Однако суровое пуританское воспитание отпрыска среднего класса заложило в нем непоколебимую веру в себя, а после удачно дополнилось элитарным образованием в Южной Англии. Асквит попал в политику традиционным путем – через Оксфорд и Судебные инны²¹, обзаведясь в первом сознанием легкодостижимого превосходства над другими, а во втором – способностью разбивать любые доводы оппонента. В конце 1880-х, в расцвете своей судебной карьеры, Асквит стал членом парламента от либералов и без труда возвысился среди однопартийцев; в 1892 году он занимал пост министра внутренних дел в правительстве Гладстона.

Он произносил весьма замечательные речи с передней скамьи, однако за изысканной риторикой не всегда удавалось уловить основную их мысль. Он вполне мог конкурировать с Бэлфуром по части элегантногo увливания от прямого ответа, и эту пару роднило не только умышленное напускание тумана в сложные темы. «Асквит не тот, кто вдохновляет людей своей страстью», – писал один журналист. И даже жена премьера описывала его как «холодного, жесткого, черствого человека, которого никто не любит». Либеральный глава правительства так же отличался бэлфуровской инертностью, медлительностью и отчужденностью. Он редко являлся на заседания кабинета в полной готовности, предпочитая раздумывать о поднятых вопросах в ходе обсуждения. Аристократическая верхушка продлевала век своего господства, вбирая в себя и приспособлявая к себе тех членов нового, богатого и могущественного среднего класса, кто готов принять их правила игры. Так, к примеру, Асквит откажется от своего нонконформизма и перейдет в лоно англиканской церкви. Он также женится на дочери баронета, эксцентричной и острой на язык Марго Теннант.

Общие с элитой взгляды Асквита не предполагали, что он станет проводить обширные и радикальные социальные реформы, но позволяли ему умиротворять разнородные идеологические элементы в его партии. В своих мудреных выступлениях он умело балансировал между соперничающими фракциями либералов и их убеждениями. В один момент он критиковал «неверно направленное и парализующее вмешательство государства», и тут же признавал существование «нужд и служб, которые нельзя оставить на растерзание нерегулируемым силам спроса и предложения». Он возглавлял свой разномастный кабинет скорее как избран-

²¹ Судебные инны – четыре английские школы подготовки барристеров.

ный председатель собрания, чем как полновластный диктатор. Клан вигов в партии представляли Реджинальд Маккенна и большая группа титулованных лордов; Гладстонову традицию продолжал Джон Морли. Радикальное крыло либералов радовалось, что Джон Бернс сохранил свой пост главы департамента местного самоуправления, а нонконформисты торжествовали, поскольку валлиец Дэвид Ллойд Джордж сменил Асквита в казначействе. Самым неожиданным оказалось назначение на пост министра торговли бывшего члена парламента от консерваторов молодого Уинстона Черчилля. Эти две последние фигуры, обладавшие непомерными амбициями и страстно стремившиеся к социальному реформированию, в глазах прогрессивно настроенного общества выглядели весьма многообещающими.

Ллойд Джордж, сын фермера, вырос в валлийской языковой среде и был нонконформистом. Как раз в приходской школе при церкви, а затем в судах, выступая в качестве адвоката, он и обучился всем тем риторическим приемам, которые прославили его как лучшего оратора эпохи. Ему удавалось представлять сложные проблемы как однозначно очерченные сражения между правильным и неправильным. В зависимости от характера и настроения его слушателей он мог говорить цветисто и лирично или четко и ясно, что делало его в равной степени убедительным и в разговоре с глазу на глаз в курительной комнате нижней палаты, и на заседании кабинета министров, и перед многотысячной аудиторией.

Ллойд Джордж не учился в университете, ограничившись самообразованием – читал много литературы и трудов по политической теории. Вопросы собственности на землю увлекали его особенно, поскольку сам он происходил из сельского Уэльса. Хотя его личный политический ландшафт скорее принадлежал к доиндустриальной эпохе, ему не о чем было спорить с промышленниками и коммерсантами, он не имел ничего против накопления капитала и не интересовался социализмом. В юности его привлекла к либералам программа социальных реформ Джозефа Чемберлена. «Наш Джо» вдохновлял, казался родным по духу, но молодой валлиец вскоре понял фатальные недостатки кумира – мономанию и догматизм, проявившиеся в его одержимом противостоянии самоуправлению в Ирландии. Когда Чемберлен покинул партию Гладстона из-за ее ирландской политики, Ллойд Джордж остался на стороне либералов. Это не единственный случай, когда прагматизм будет брать верх над его принципами.

В палате общин он впервые проявил себя как самый красноречивый противник Бурской войны, клеймя «расовое невежество», питавшее империализм. Он вовсе не собирался распустить империю, скорее – преобразовать ее в федерацию автономных государств. С К-Б Ллойд Джордж поддерживал близкие и теплые отношения, и тот, получив власть, вознаграждал своего соратника должностью министра торговли. Величайшее достижение Ллойда Джорджа на данном посту – предотвращение национальной забастовки железнодорожников. Призвав все свое обаяние и словесную ловкость, он добился соглашения между профсоюзами и железнодорожными компаниями, до тех пор пребывавшими в состоянии непримиримой вражды. Даже правая Daily Mail впечатлилась деятельностью Ллойда Джорджа в министерстве и приветствовала назначение радикала-парламентария на пост канцлера казначейства: «Будучи членом кабинета министров, он доказал, что обладает необыкновенными способностями, практичной деловой сметкой, инициативой и большой непредвзятостью». Этот неудержимый деятель, этот велеречивый Макиавелли, изначально не имея никаких связей с правящей верхушкой, будет господствовать в Вестминстере на протяжении следующих пятнадцати лет.

Назначение Черчилля министром торговли не вызывало подобного энтузиазма у консервативных журналистов. За несколько лет до этого он покинул партию тори, свое естественное политическое пристанище; поводом для перехода на другую сторону стала растущая поддержка протекционизма в юнионистском альянсе. Согласно National Review, такой акт «предательства» был типичным для «кондотьера, который никогда и не притворялся, что им движут какие-то иные мотивы, кроме желания собственного успеха». Обвинения в заикленности на самом себе будут преследовать Черчилля на протяжении всей карьеры, равно как и

претензии касательно его позерства перед публикой и жажды власти. Чиновники жаловались, что Черчилль не отличается пунктуальностью, подвержен внезапным приступам энтузиазма, увлекается экстравагантными идеями и изысканными фразами. То был человек свободного и пылкого духа, вызывавший в равной степени восхищение и недоверие. Соратники прославляли его как гения, враги считали неуравновешенным и беспринципным.

Хотя консервативные газеты всячески подчеркивали прагматизм Черчилля, принципы у него тоже были. Он искренне верил в идею социальных преобразований, совсем как его отец лорд Рэндольф. Когда молодой Черчилль убедился, что партия тори реакционна и неприветлива, либералы с радостью приняли его в свои ряды как человека, способного помочь в деле улучшения условий трудящихся классов. Это как раз роднило Черчилля и Ллойд Джорджа в кабинете Асквита: преданность идее социальных реформ и амбиции. Оба понимали, что в политической истории наступил новый период, когда ключевым вопросом станет «положение народа». Оба были убеждены, что прогресс и общественная стабильность возможны только в контексте обширных социальных преобразований. И оба предполагали, что внутривнутриполитические законодательные инициативы дадут либералам возможность переиграть лейбористов и затормозить распространение социализма.

Именно «Ужасные близнецы», как окрестила их консервативная пресса, оказались в ответе за ряд общественных законопроектов и значительное увеличение доли правительственных расходов на систему социального обеспечения. Черчилль стоял за Законом о комиссиях по вопросам заработной платы²², где устанавливался минимальный размер оплаты труда, а также за организацией биржи труда, увеличившей подвижность рабочей силы. Ллойд Джордж был движущей силой в принятии Закона о детях 1908 года, защищавшего малолетних от жестокого обращения и запрещавшего использовать детский труд на опасных производствах, и также Закона о пенсиях по старости (1908), по которому вводились не предусматривающие предварительных взносов пенсии для мужчин старше 70 лет, зарабатывающих менее 31 фунта стерлингов в год. Ллойд Джордж также предложил Закон об образовании 1910 года, призванный предоставить молодежи выбор занятия, а также Закон о душевнобольных 1913 года, по которому людей, страдающих психическими расстройствами, переводили из работных домов и тюрем в специализированные заведения. Наконец, самым знаменитым его достижением стал Закон о национальном страховании 1911 года, первый законодательный акт в области страхования от болезни и потери работы.

Один почтовый служащий вспоминал, что, когда первые старики пришли за своей пенсией, слезы стекали по щекам некоторых из них, и они все повторяли – «Господь да благословит этого лорда (sic) Джорджа». Народное возвышение канцлера, гордого своим плебейским происхождением, до «лорда» демонстрировало, что викторианская почтительность к вышестоящим еще не отмерла. Однако новое законодательство как ответ на социальные английские болезни носило характер XX, а не XIX века. Введенное политиками и государственными служащими из профессиональной, а не патрицианской среды, оно закладывало фундамент будущего государства всеобщего благоденствия, обеспечивая минимальные стандарты жизни для отдельной части населения. Через эти новые инициативы люди получали свои права как граждане; их приглашали, как говорилось в одной емкой фразе того времени, «к общенациональному столу». Ничего удивительного, что программу преобразований связывали с социалистическим «новым либерализмом» и что она вызывала энтузиазм у студентов и образованной молодежи. Подрастающее поколение считало, что Ллойд Джордж и Черчилль немало поспособствовали утолению их жажды социальной справедливости.

²² В русскоязычной литературе Trade Boards Bill часто неверно переводится как Закон о торговых палатах. Trade board, однако, – не торговая палата, а комиссия по вопросам заработной платы в какой-либо отрасли экономики или на предприятии.

Но Ллойд Джордж и Черчилль, вероятно, поспособствовали этому настолько, насколько позволяли контролируемая тори палата лордов и идеология *laisser-faire*, присущая многим либералам. Да еще следовало преодолеть осторожность Асквита. Пусть премьер по большей части и одобрял их предложения, он все же гордился тем, что «энергичные коллеги... никогда не сбивали меня с курса против (моей) воли». Если Асквит считал предложение слишком рискованным, консервативные инстинкты заставляли его жать на тормоза. В частных разговорах Ллойд Джордж жаловался на недостаток «целеустремленности» у своего лидера.

* * *

Впрочем, и активная деятельность несла в себе политическую опасность. Подобный урок Асквит наверняка извлек из конфликта, разгоревшегося вокруг Народного бюджета 1909 года. Бюджет Ллойд Джорджа базировался на принципе перераспределения благ, радикального изобретения, чуждого викторианскому сознанию. Цель его состояла в том, чтобы собрать средства на проведение обширных социальных преобразований с помощью введения прогрессивного налога на высокие доходы и различных сборов с земли, включая 20 %-ю пошлину на любые земельные владения, полученные не как заработок. Канцлер оправдывал эти беспрецедентные для мирного времени требования к владельцам состояний, назвав бюджет «военным» и заявив, что он «собирает деньги на беспощадную войну с нищетой и убожеством». Предложенные налоги не затрагивали мелких представителей среднего класса, работающих за жалованье, и большую часть промышленников, которых Ллойд Джордж считал естественной избирательной средой либералов. Канцлер вновь пытался унять социальное брожение и обыграть партию лейбористов, чьим представителям в палате общин оставалось лишь аплодировать ему. А если ценой тому было отчуждение от партии землевладельцев, то он совершенно не возражал.

Другие, однако, не разделяли такого восторга. Один из грандов Либеральной партии лорд Роузбери отвергал предложения Ллойд Джорджа как «тиранические и социалистические». Тут слышался явный призыв к элите – объединиться, отвергнув партийные различия, и тори не замедлили откликнуться на него. Даже новое поколение парламентариев-консерваторов, происходивших из слоев состоятельных бизнесменов, осуждали бюджет за несправедливость. В одной из своих первых речей, произнесенных в нижней палате, Стэнли Болдуин описывал, какие чрезмерные потери понесет аристократия, если проект будет принят. В последний раз атмосфера в палате общин так накалялась в 1832 году при обсуждении избирательной реформы.

Тем временем в палате лордов царили настроения открытой враждебности вперемешку с ужасом. Лорды отклонили Народный бюджет, и последовал конституционный кризис, подорвавший доверие к политической системе в целом. Король Эдуард, устрасшись возможных последствий, попытался неофициально привести стороны к соглашению, но даже усилия монарха оказались тщетны. Пэры-консерваторы оправдывали свою непримиримость отсутствием наказания избирателей. Очевидно, Бэлфур был уверен, что тори выиграют грядущие выборы.

Ужасные близнецы радостно приветствовали возможность донести суть дела новых либералов до народа, и Асквит согласился с их требованиями провести выборы в начале 1910 года. Ллойд Джордж и Черчилль взялись за предвыборную кампанию с присущим им рвением. Они сформировали Бюджетную лигу и координировали работу редакций либеральных газет. Они также задействовали новейшую технологию, рассылая по стране фургоны с закрепленными на них трансляторами так, чтобы их речи разнеслись по городам и весям. Конфликт верхней и нижней палат рисовался как частный случай борьбы между наследственными привилегиями и социальной демократией. Его также представляли как глобальную войну между средним клас-

сом и либералами, превалирующими в палате общин, и патрицианской, консервативной палате лордов. Ллойд Джордж твердо намеревался провести разделительную черту между средним классом и элитой; он предполагал добиться лояльности первого в своей партии, а затем объединить все низшие классы, объявив аристократию их общим врагом. В своих публичных выступлениях он говорил о пэрах, что это лишь «пятьсот человек, случайным образом выбранных из толпы безработных».

Язык классовой борьбы возмущал высшее общество во главе с кролем Эдуардом, заклеймившим подобные речи как «неподобающие» и «вероломные». Согласно высказыванию одного парламентария-тори, канцлер «ввел моду ругать богатых людей за то, что они богаты». Однако и аристократ Черчилль несет ответственность за введение эгалитаристских²³ и меритократических²⁴ идей в эдвардианский политический дискурс. «Сегодня мы не просто спрашиваем: “Чем вы владеете?” – заявлял он, – мы также спрашиваем: “А как вам это досталось? Вы сами заработали или получили все от других?”» Черчилль даже выступал за упразднение палаты лордов – на тех основаниях, что так или иначе ее всегда будут контролировать тори.

И все-таки знамения для Ллойда Джорджа и Черчилля были неблагоприятны. Консервативная партия смогла мобилизовать свои куда более могучие ресурсы в финансах и пропаганде. *The Times* и *Daily Mail* призывали избирателей голосовать против либералов, а взамен поддержать таможенную реформу Чемберлена, поскольку она позволит провести социальные реформы без увеличения налогов. Казалось, низшие слои среднего класса удалось убедить этими аргументами, а жители пригородов и без того находили классовую риторику Ллойда Джорджа слишком социалистической. В итоге либералы потеряли на выборах 123 места, и почти все – в пользу тори, но правительство все равно формировали они благодаря поддержке Ирландской парламентской партии и набирающих вес лейбористов, получивших аж 40 мест.

Теперь задача протащить Народный бюджет через парламент стала для либералов бесконечно более сложной: администрация, сформированная меньшинством, едва ли могла педалировать «широкую программу реконструкции», очерченную Ллойд Джорджем и Черчиллем во время избирательной кампании. Один друг Асквита вспоминал, как в первые дни после выборов тот бродил из угла в угол «крайне несчастный и неприкаянный». И все-таки премьер как-то выкарабкался. Результаты выборов разочаровали его, но он тем не менее считал, что в итоге у него есть разрешение электората на бюджет. Ставка делалась на то, что лучший способ заставить пэров-тори отступить – угроза короля Эдуарда ввести в верхнюю палату новых пэров, либералов, которые уж точно пропустят бюджет. Хотя такие прецеденты уже случались, монарх счел предложение «просто отвратительным». Как многие другие члены элиты, Эдуард считал, что теперь правительство контролирует Ирландская партия, задумавшая выхолостить верхнюю палату, чтобы протолкнуть через нее закон о самоуправлении. Он снова предпринял попытку переговоров с Бэлфуром и консерваторами, а когда это ни к чему не привело, неохотно согласился с требованиями Асквита, однако с оговоркой: он пригрозит введением в верхнюю палату пэров-либералов, если лорды продолжат отвергать бюджет, но только после того, как двое выборов подряд подтвердят согласие общества с Народным бюджетом.

Асквит заседал на короля и в другом, смежном вопросе: он предлагал закон, ограничивающий право вето верхней палаты парламента. И снова, в отсутствие внятной альтернативы, король вынужден был согласиться. Без сомнения, решение Асквита добиваться реформы палаты лордов принималось под давлением членов парламента от Ирландии, но либералы давно уже желали ограничить власть пэров. Еще когда К-Б занял резиденцию на Даунинг-стрит в 1906 году, он заявлял о своем намерении «подрезать крылышки» лордам, и Ллойд Джордж некоторое время с энтузиазмом намеревался воплотить эту угрозу своего наставника в жизнь.

²³ От *фр.* *égalité* – «равенство».

²⁴ От *лат.* *meritus* – достойный, заслуженный, и *др.-греч.* *κράτος* – власть.

Верхняя палата представлялась канцлеру не «сторожевым псом конституции», а «пуделем мистера Бэлфура».

Готовность Эдуарда назначить новых, либеральных пэров возымела убедительный эффект, и в конце концов палата лордов провела Народный бюджет с некоторыми поправками. Однако пэры-тори проявили строптивость в вопросе об ограничении их власти и потребовали новых выборов. Выборы прошли в декабре 1910 года, но результаты оказались практически идентичными предыдущим. Асквит снова получил одобрение избирателей на свои планы, и новый король Георг V, наследовавший своему отцу в мае, не видел другого выхода, кроме как пригрозить верхней палате либеральными вливаниями, если те не согласятся на реформы.

Правительство представило Парламентский акт, который лишал лордов права вето на финансовые и бюджетные акты и ограничивал это право в отношении других инициатив. Пройдя в палате общин, акт вызвал жаркие дебаты в верхней палате; дискуссия закончилась победой правительства с минимальным перевесом. Бэлфур и его соратники удивили многих, в последний момент сдавшись под угрозами короля. В результате «стойкие» тори обвинили своего лидера и его последователей в предательстве.

Принятие Народного бюджета и Парламентского акта – огромная победа Либеральной партии. Несмотря на противодействие консерваторов и верхушки землевладельцев, после двух лет борьбы ей удалось провести и радикальный бюджет, и революционный конституционный закон. Теперь официально закреплялось превосходство нижней палаты и преуменьшалось значение неизбираемых наследственных пэров. Одним из пунктов Парламентского акта было введение зарплат членам парламента; политика отныне стала карьерной возможностью для людей из профессиональной среды, а не хобби для джентльменов. То был значительный шаг в сторону полной парламентской демократии.

Но за победу пришлось заплатить. Либеральное правительство потеряло доверие большинства, и само его существование теперь зависело от ирландской поддержки. А поддержка эта, разумеется, предполагала постановку вопроса о самоуправлении, который неизбежно сеял противоречия. Кроме того, борьба за бюджет и акт разозлила «стойких» тори, за которых горой стояла большая часть земельной аристократии. «Королю нужны верные подданные, – комментировал один из них после голосования в палате лордов, – и он знает, что мы готовы умереть за него. Возможно, как раз этого он и желает. Потому что сегодня палата лордов проголосовала за революцию».

8

Что случилось с джентри?

После объявления результатов голосования палаты лордов «стойкие» тори почувствовали, что политическому превосходству крупных землевладельцев приходит конец. После выборов 1906 года земельная аристократия уже не занимала лидирующих позиций ни в палате общин, ни в кабинете министров. Пятеро юристов, восседающих на передней скамье²⁵ у Асквита, знаменовали приход новой силы – профессионалов, образованной интеллигенции. Их политическое влияние выросло еще больше после введения в 1911 году жалования для членов парламента. Власть джентри также ослабла и на местах. В то время как должности мировых судей, лордов-наместников и шерифов графств по-прежнему занимали землевладельцы, они уже не могли определять исход местных выборов и сами редко выдвигались в кандидаты. Теперь и там доминировал расцветающий средний класс. Государство расширяло свои функции и влияние, а локальное высшее общество уступало. Когда управление на местах требует административной компетентности, можно ли рассматривать его в качестве аспекта *noblesse oblige*?

За пределами политической сферы земельная аристократия приходила в упадок уже несколько десятилетий. Опубликованное в 1873 году официальное исследование английского землевладения гласило, что вся Англия принадлежит менее чем 5 % ее населения. Эти сведения возмутили средний класс, потенциал которого непрерывно возрастал, и дворянские привилегии были атакованы на нескольких фронтах сразу. Так, патронаж джентри по отношению к представителям различных профессий существенно ослаб, когда покупка армейских постов и церковных приходов была запрещена законом, а экзамены стали обязательными для всех. Вскоре последовало введение открытых конкурсов на должности в области юриспруденции и государственной службы; любительский аристократический дух, прежде характерный для этих занятий, рассеялся к началу нового столетия.

Упадок сельского хозяйства в конце XIX века ослабил джентри еще больше. Стоимость земли не менялась с 1880-х до 1910 года, тогда как арендная плата на юге и востоке Англии снизилась на 40 %. К тому же приходилось платить введенный правительством либералов налог на наследство, по которому резко прошла леди Брэкнелл в пьесе Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным» (1895): «Всю жизнь платишь налоги, и после смерти с тебя их берут, – заявила она, – а в результате земля не дает ни дохода, ни удовольствия. Правда, она дает положение в обществе, но не дает возможности пользоваться им»²⁶. В итоге многие землевладельцы решили расстаться со своими владениями. Еще больше старых собственников покинули свои усадьбы из-за дополнительных налогов на землю, введенных в Народном бюджете: между 1909 и 1914 годами на продажу было выставлено рекордное число загородных поместий – 800 000. И все-таки эра, когда «большой дом» господствовал над округой, закончилась задолго до этой лихорадки на рынке недвижимости.

Упадок земельной аристократии не уничтожил, однако, дворянство как таковое. С 1890 года невероятно поднявшимся представителям среднего класса открыли доступ в сословие пэров. Слияние мелких семейных предприятий в конце XIX века привело к созданию корпораций, владельцы которых получали баснословные доходы. Пивовары, хлопковые и стальные магнаты могли похвастаться не меньшим состоянием, чем крупные землевладельцы,

²⁵ Передняя скамья в палате общин традиционно отводится для кабинета министров.

²⁶ Пер. И. Кашкина.

и требовали от власть имущих признания своего места в обществе. Среди новых пэров Эдвардианской эпохи преобладали финансисты, промышленники и торговцы.

Многие представители родового дворянства осуждали появление в своем кругу новых людей, и некоторые презрительно именовали их «плутократами». Говорили, что те сколотили состояния благодаря имперской и торговой экспансии викторианской Англии, и теперь у них только один интерес – демонстративно транжирить эти деньги. Журнал Punch изображал их как карикатурных персонажей – вульгарных, невежественных, жадных, помешанных на гольфе и автомобилях. Аристократы опасались, что плутократы «замутят» их касту, и эти страхи зачастую проявлялись как антисемитизм: «стойкий» тори лорд Уиллоуби де Броук сокрушался, что старинная английская порода заражена теперь «космополитичными» и «левантинскими» финансами. На самом деле эту тревогу подпитывал в основном незамутненный снобизм. «Бурный поток несправедливо нажитого золота затопил берега и загрязнил кристально-чистые воды безупречного обладания», – высказался один представитель семейства Рассел. Действующие члены элиты критиковали новоприбывших, демонстрируя свое наследственное превосходство, и скрывали тот факт, что и их предки некогда были карьеристами-выскачками. Иные же аристократы полагали, что высшее общество поступило очень грамотно, вобрав в себя новых миллионеров, так же как в свое время оно ассимилировало политиков из среднего класса – вроде Асквита или Болдуина. Стоило выбрать другой путь, и эти «сметливые, напористые, способные и энергичные» люди сумели бы, по мнению леди Дороти Невилл, опрокинуть общественный порядок.

Новоиспеченные дворяне, впрочем, не имели намерения разрушать класс джентри. Они скупали выставяемые на рынке поместья, заключали брачные союзы со старинными аристократическими семействами и поддерживали консерваторов. Газетные бароны-нувориши все как один стояли горой за старую партию землевладельцев, короны и церкви, и влияние этой партии широко распространялось по всей стране через издания наподобие Daily Mail. Исследователь дворянства Ф. М. Л. Томпсон резюмировал: «Старый порядок всеми силами стремился к тому, чтобы сохранить власть крупных собственников, манипулируя процессами в политической демократии с помощью невежества, предубеждений и апатии народа и стараясь отсрочить распространение социального равенства... на максимально возможное время».

У брака по расчету, заключенного между старой и новой аристократией, было два символа: партия тори и лондонский Сити. Многие выходцы из сословия джентри вкладывали вырученные от продажи земель деньги в акции и облигации, нередко прибегая к советам финансистов, лишь недавно получивших дворянство. Доходы от их инвестиций на протяжении всей Эдвардианской эпохи росли значительно быстрее, чем инфляция. Молодые отпрыски аристократических семейств даже становились биржевыми брокерами в Сити, придавая респектабельность профессии, традиционно считавшейся уделом среднего класса. Перед нами в высшей степени английская революция: общество идет на значительные изменения, чтобы его фундаментальная структура осталась неизменной.

9

Автомобильное помешательство

«По воскресеньям в ранние утренние часы [на Кеннингтон-роуд], – вспоминал Чарли Чаплин, чья юность пришлась на начало XX века, – у подъездов некоторых домов можно было увидеть легкие рессорные двуколки с запряженными в них симпатичными лошадками – они терпеливо дожидались артистов, чтобы затем отправиться с ними на прогулку, миль этак на десять в сторону Норвуда или Мертона»²⁷. В 1900 году лошади оставались главным транспортным средством, а дороги – относительно пустыми, поскольку поезда взяли на себя перевозку скота и путешественников на далекие расстояния. Однако в течение десятилетия произошли стремительные – во всех смыслах слова – перемены в транспорте.

Лошадей вскоре вытеснили велосипеды с надувными шинами, изобретенными в конце 1880-х Джоном Бойдом Данлопом. С новыми колесами ездить на велосипеде стало куда приятнее, и к 1900 году «веломания» распространилась повсюду. Первые велозвезды облюбовали парки: мужчины в черных костюмах и шляпах-канотье, дамы в широких бриджах под подолами развевающихся платьев. Поначалу велосипедистов не пускали в Гайд-парк, ограничив их менее респектабельными общественными пространствами. Консервативных аристократов возмущал вид юных девиц без сопровождения, мчавших на велосипеде по Роттен-Роу²⁸ в вызывающих штанах, и все же вскоре велогонщики проникли во все уголки города.

Пресса раздувала страхи о возможных эффектах от долгой езды. Слишком увлеченным велосипедистам грозил «велогорб» из-за того, что они слишком наклоняются к рулю; рассказывали также о тяжелых случаях «велостоп» и даже «велолица». Некоторые дешевые велосипеды были тяжелыми в управлении и оснащались лишь примитивными тормозами, поэтому куда более ощутимым оставался риск падения, и все же соображения безопасности не останавливали бесстрашных гонщиков.

В 1901 году велосипеды были самым быстрым транспортным средством на дорогах, но их торжество длилось мизерный срок. И лошадей, и велосипеды вскоре потеснили автомобили, развивающие скорость до 30 км/ч уже к 1903 году. На смену медленным и ненадежным паровым двигателям, созданным в конце XIX века, пришли бензиновые. Водитель раннеэдвардианского автомобиля сидел совсем как кучер – на высокой подставке, за ветровым стеклом (если владелец раскошеливался на эту дополнительную опцию). Без лобового стекла шофер всегда рисковал, что его выбросит через капот машины вперед при любом резком торможении. Ребятишки-хулиганы иногда пытались спровоцировать аварию, кидая шапки на дорогу прямо перед приближающимся авто. Машины следовали по левой стороне дорог, обгоняя велосипеды справа, причем маневр зачастую сопровождался авариями и скандалами. Поскольку машину могли позволить себе лишь самые состоятельные граждане (покупка обходилась в несколько сот фунтов стерлингов, и еще сотни уходили на ежегодное обслуживание и содержание), то водители смотрели на велосипедистов преимущественно сверху вниз, презрительно называя их «невежи на колесиках».

Иные аристократы-мотористы практиковали тот же высокомерный подход и к закону. Когда лорда Портсмута остановили за превышение скорости, он отреагировал на это крайне воинственно. «Я несколько лет занимал один из высших постов в этой стране, – заявил он констеблю, – и ни разу не слышал о такой абсурдной вещи, как ограничение скорости. На вашем месте я бы не стал ничего усложнять». Другие члены привилегированной касты отка-

²⁷ «Моя удивительная жизнь» Чарльза Чаплина цит. в пер. А. Фалькон.

²⁸ Роттен-Роу – дорожка для верховой езды в южной части Гайд-парка.

зывались платить крупные штрафы на тех основаниях, что ограничение скорости – это просто «не по-английски». Водители, остановленные полицией, обычно утверждали, что не превышали скорость, другие пытались дать взятку стражам закона. Когда ни одна из этих тактик не срабатывала, автомобилисты представляли перед местным судом. Среди обвиненных в превышении скорости в этот период был и премьер-министр Артур Бэлфур. Его авто-«слава» была так велика, что при обсуждении Закона об автомобилях 1903 года один парламентарий-юморист предложил не распространять на главу кабинета пункт об ограничении скорости 30 км/ч.

Автомобили воплотили в себе угрозу, которую несла городская жизнь сельской местности. В выходные машины обеспеченных горожан выстраивались возле придорожных гостиниц. В глазах местных деревенских жителей водители выглядели как пришельцы из другого мира. Они одевались в тяжелые кожаные или отороченные мехом костюмы и куртки, матерчатые кепки с козырьками и «ушами», а в плохую погоду – в резиновые «пончо». Поразительное воплощение духа новой эпохи.

Неудивительно, что в стране все возрастающих классовых противоречий машины стали символом английских «богатых бездельников». Во время дебатов об Автомобильном законе 1903 года один член парламента описывал вождение как «развлечение, которому предаются в основном состоятельные люди» и призывал администрацию Бэлфура ввести наказания для высокородных нарушителей закона, тем самым доказав, что она не представляет собой правительство «богатых, созданных богатыми для богатых». Привилегированные водители должны были сдавать экзамен и платить налоги, внося свою лепту в содержание дорог.

Конечно, такие водители составляли малочисленную группу, но какую великолепную! Лорд Нортклифф, один из первых фанатиков-автомобилистов, всячески продвигал водительскую тему в принадлежащих ему газетах. В *The Times* описывали машины не как «очередной предмет роскоши и развлечение для меньшинства», а как транспортное средство с потенциалом «службы обществу» и «ключевой индустрии» Англии в будущем. В число проавтомобильных инициатив Нортклиффа входило проведение черты между водителями голубой крови и нуворишами, чье поведение якобы и вызывало возмущение публики. «Число владельцев и водителей автомобилей среди неджентльменов, – писали в газете, – представляется чрезмерно большим. – Невозможно превратить деревенщину в благородного человека». Споры вокруг автомобилистов и беспокойство насчет «разжижения» джентри сливались в один поток. Ирония в том, что Нортклифф, ответственный за всю эту антиплутократскую пропаганду, сам получил дворянство совсем недавно.

Защитники нового вида транспорта утверждали, что отчеты о вызванных машинами авариях и несчастных случаях сильно преувеличивали проблему. Эта статистика, будучи частью «автопаники», гармонично вписывалась в общее наступление на богатство и привилегии. И все же критика рискованного вождения не стихала, в особенности потому, что факты подкрепляли критику. В 1909 году в Британии произошло 373 автомобильные аварии, а в 1914-м уже 1329, хотя такой рост объяснялся прежде всего безостановочным увеличением машин на дорогах.

Автомобили постепенно становились привычной частью английского ландшафта, и «автопаника» со временем улеглась. Пресса больше не преувеличивала частоту мелких аварий, а правительство радушно приветствовало владельцев авто как новый источник доходов. Машины мало-помалу прижились, так же как велосипеды до них. На улицах Лондона к личным автомобилям добавились такси, или «наемные экипажи», и наряду с личными каретами, велосипедами, конками и электрическими трамваями и omnibusами с открытым верхом пытались отстоять для себя место на дороге. Трудно найти другое время в английской истории, когда по столице колесило столько невероятно разнообразных транспортных средств и когда на ее дорогах творился такой бедлам.

Принятый либералами Закон о городском планировании 1909 года частично решил проблему отсутствия какого бы то ни было управления транспортом. И все же законодательство

имело не больше влияния на дорожную неразбериху, чем на рост пригородов. Быстрый рост числа автомобилей и расползающиеся пригороды выражали дух нового века, беспокойный и помешанный на скорости. Тот же дух пропитывал многочисленные социальные реформы, стремительно проведенные либералами одна за другой, и безостановочное участие Англии в международной гонке вооружений. Всё, включая мысль и, быть может, само время, словно ускорилося после смерти Виктории и викторианства. Новую эпоху в ее сущности можно сравнить с водителем автомобиля, который не знает, куда именно ему надо, но намеревается прибыть туда в рекордно короткий срок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.